

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 25

1984

Николай РОДИЧЕВ

ГОРОДИЩЕНСКИЙ ПАРЕНЬ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Николай РОДИЧЕВ

ГОРОДИЩЕНСКИЙ ПАРЕНЬ

Рассказы об интересных встречах

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Николай РОДИЧЕВ

Николай Иванович Родичев родился в 1925 году на Орловщине в семье столяров-краснодеревщиков. До начала Великой Отечественной войны окончил девять классов, работал мотористом на мельнице. Потом ушел на фронт. Первые заметки опубликовал в армейской газете «Защитник Отечества». Начинал со стихов. Вышло три сборника.

За три десятилетия работы в литературе им написано четырнадцать повестей, роман «Брянская поляна», десять книг рассказов и десять публицистических книг. Наиболее известные произведения Н. Родичева — «Девятый «Б», «Огонь на себя», «Теплый хлеб», «Карандух», «Алимушкины полушубки», «Будет день». За книгу документальных рассказов о людях Брянского машиностроительного завода Н. Родичев стал лауреатом премии Союза писателей СССР и ВЦСПС. Неоднократно отмечался годовыми премиями журналов.

Значительное место в творчестве Н. Родичева занимает переводческая деятельность. С языков народов нашей страны им переведено девять романов и повестей.

НЕ ЗРЯ НАЗЫВАЮТ УЧИТЕЛЕМ

Орел, что на старинной дороге от столицы к югу, сам по себе уже российская глубинка. А если свернуть с нынешней бетонки от Орла в сторону дебренскую, за Нарышкинские холмы, дать волю ногам или колесам, попадешь в свою, местную глубинку, для которой и областной центр престолен.

Мураевка... Пятьдесят дворов за двести лет существования. Чья-то малая родина: дома вразброс, будто зерна, выпавшие из торопливой ладошки сеятеля. Как ни ставь избу, сама окажется на косогоре и окнами на другой косогор.

А внизу речка, тонкая, как пила, сама себе меж остарелых раakit тоннель проточила. Запуталась в зелени, как рыба в тине, онемела. Название веселое, давнее: Лешенка. Да где же леса? И близко нет, вымерли. Название почти забылось, а речушка живет себе.

Земля в той стороне плоше, чем у соседей — курян или воронежцев. Пески, подзолы — от былых лесов. Поругивали мужики земли свои: прежде — грубовато, позже приноровились по-научному: «нечерноземная полоса». Да и за что хвалить? Урожай сам-шесть или чуть больше. За полста пудов на самых навозных клинах не снимали. Иные не выдерживали, прощались с крутыми холмами, шли туда, где пласт пожирнее.

С землей прощались, не с Мураевкой. Хозяин, бывало, уйдет на заработки, а женку с детьми оставит при наделе, на всякий случай. Авось, подберет кормилица. Добрела в иной год, а затем опять, будто обидевшись на недогляд, замыкалась в щедротах, что твоя невеста, знающая себе цену. Не торопилась, хорошего суженого ждала.

Разные бывали в Мураевке председатели. Самый первый придумал название для здешней артели. Да так пришлось ко двору это имечко, что много раз колхоз затем то укрупнялся, то вновь входил в исконные границы, менял структуру хозяйства и направление развития, пережил уже не одно поколение сеятелей, но название хранил, как бережет честный человек единожды данное ему от рождения имя: «Луч революции». Не пламя, не заря в окоем, не огонь, все озаряющий. Всего лишь луч! Он и сейчас обозначен тонкой золотистой линией на воротах главной усадьбы колхоза, протянувшись из дальней дали, от силуэта легендарного крейсера.

Село оказалось на таком удалении от шоссе между Орлом и Брянском, что владелец «Волги», главный технолог дизельного цеха Геннадий Иванович Драчев, устав крутить баранку на спусках и подъемах проселочной, притормозил в рощице за Сосковым, спросил у здешнего, не по сезону рачительного косара:

— Сколько от вас до Мураевки?

— Километров, небось, двенадцать осталось, — отозвался пожилой мужчина, протирая косу пучком травы, и сам спросил: — К Артюхову едете? Дома он нынче.

Человек из чужого, даже не соседнего, колхоза почему-то знал, что председатель «Луча революции» не в отъезде сейчас, у своих забот.

Геннадий Иванович — мой давний знакомый. На машиностроительном у него дел невпроворот, а тут приближалась новая страда в подшефном колхозе... Выдался выходной, запросилась рыбацкая душа на тихие воды, позоровать с удочкой. Брянские плесы совсем обмелели, улов от года к году скудеет. И лежи в Десне, говорят, поубавились в весе, и чересчур разборчивыми стали они в дружбе с рыбаками. Приехал инженер с вопросом: не известны ли мне места... хотя бы на ушицу, но так, чтобы без промашки.

— Без промашки? — твержу, будто заученный урок. — Это только в Мураевке.

— Где, где? — насторожился инженер, словно предлагали ехать по крайней мере на Валдай.

— У соседей, в Орловской области.

— О-о! — грустно затаил любитель ухи. — У соседа и жену черт медом смазал... За морем телушка — полушка. Да и кто нам разрешит таскать карасей из колхозного пруда?

Оказалось, и езды на два часа неполных и сельский голова за что-то уважает удильщиков: мало одного зарыбленного водоема, еще один, словно к нашему приезду, соорудил. Выбирай гость, какой пруд сердцу милее. Рыба и в том и в другом.

Возвращался инженер под вечер того же дня с уловом, о каком не загадывал. Но на обратном пути и не вспомнил о рюкзаке, набитом карпами и сазанчиками. «Такой красоты, — отозвался о селе, — давно не видывал, а ведь колесил по стране, за границей долго живал».

Он говорил, конечно, не об ивах, обрамляющих просторную площадь у Дома культуры, не о крашенных заборчиках во всю длину улицы, не о белостенных строениях ферм, у которых ни соринки: вместо привычных глазу сельчанина навозных куч — цветы и фруктовые деревья. Все это приятно впечатляет, как не может не радовать в том же селе, скажем, фельдшерский пункт, окруженный исполнискими яблонями и грушами, обильными на плоды в том году. Дыхание сада само по себе исцеляет еще на подступах к чистеньким комнатам и шкапам с таблетками.

Всю дорогу мы с попутчиками разговаривали о другой красоте. Чудо преображения коснулось этой глубинной деревеньки. В истоках того чуда пытались разобраться.

...Небольшая, в пятьдесят дворов, Мураевка обезлюдела в конце пятидесятих годов едва ли не раньше других, что рассеяны окрест. Отрезанная от остального мира полыми водами, хлябью после дождей, деревенька неделями не получала подвоза и почты, задыхалась от неурожаев, бескормицы для скота. Среди неперспективных она стояла на первом месте. Земля едва возвращала то, что в нее бросили по весне, председатели, будто при игре в чехарду, менялись. Стала слепнуть от заколоченных окон единственная улица. Пришла пора вешать замок и на школу.

Однако директор школы Алексей Николаевич Артюхов, кстати, инвалид Отечественной, отказался от назначения в новое, более благополучное село.

— Попытаюсь поднять землю,— сказал в роно.— Не чужая...

— Останетесь председателем?

Молчал. Вспомнил о том, как сладко думалось ему о встрече с Мураевкой на Курской дуге и в госпитале. Деда-прадеды здесь похоронены. Какие-то лучшие виды мнились ему тогда. Возможно, потому, что пришкольный участок у них был разбит на деляночки: пшеница, ячмень, свекла сахарная, кормовая, люпин... У каждого, обведенного проходами клочка земли есть хозяин: полевод, звеньевая, юный селекционер. Свои бригады здесь и даже главный агроном пришкольного поля — восьмиклассник Леня Мельников. Это удалось сотворить на малом клочке том Артюхову уже после войны. Заезжал в школу и председатель.

Устав созерцать с бедарки унылую ниву за околицей, иной, бывало, свернет к школе, потешится цветущими грядками, неловко выскажет затаенное: «Взял бы ты, Николаевич, ближнее поле целиком,— взмахнет кнутовищем.— Все равно засеваем чем бог пошлет».

Артюхов брал под опеку девчонок и мальчишек пять гектаров, а то и двадцать. Дети пололи, прорывали, окучивали, а потом и собирали в общий котел. Радовались, если сбор у них получался выше, чем у пап и мам, на картошке ли, на свекле.

В тот год учителю, как зовут Алексея Николаевича в селе до сих пор, придавая этому слову дополнительное значение, пришлось «прирезать» к школьному участку все две с половиною тысячи гектаров, а затем почти столько же добавили прибившиеся к Мураевке другие хозяйства.

В райкоме сомневались:

— Удержите ли, Артюхов, людей в селе? А как быть со школой?

— Старшеклассников опросил,— размышлял вслух директор.— Есть такие, что не тянутся с родителями в отхожий промысел...

Оставшиеся классы поведет с подругами Леля... То есть Елена Андреевна.

Леля!.. По привычке давних лет Артюхов так зовет супругу в кругу гостей и сегодня, а она — народный учитель республики, внуки есть. Та самая одноклассница, что, проведив Алексея на войну, ждала его четыре года, помогла окончить институт, вырастила двух сынов, приняла с рук мужа обреченную на закрытие школу, наконец, благословила не без опасений за его судьбу на председательство... Был случай: уходила под снег отлично вызревшая конопля, последняя надежда. Недоставало рук, в артельной кассе шаром покати, и в долг уже не дают банки. Елена Андреевна разрешила мужу платить колхозникам за их труд из личных сбережений.

Новый голова артели не рядился в фуфайку и кирзовые сапоги, чтобы «слиться с массами», никогда не повышал голоса, показывая власть над другими. В шляпе и костюме, с галстуком, как недавно на уроки, он приходил на бригадные наряды, появлялся в домах. Со старшими — на «вы», к младшим — по-отцовски уважительно. Каждого выслушает, потом скажет свое решение. Пообещал — сделает непременно. Строгости доставало тоже. Не давал спуску правленцам: в конторе не пить, не курить даже. Идешь на заседание — переоденься в чистое, побрейся. На людях старайся тоже быть аккуратным и в одежде и в слове. Разрешил себе «с устатку» — не появляйся близ Дома культуры, дежурные комсомольцы все равно не пропустят.

Это было совсем ново, однако Артюхов ввел двухразовое доение на фермах. Его ругали сверху, высказывали опасения специалисты, но председатель освободил доярок, встающих на первое доение с зарей, до вечера: пусть днем отдохнут, займутся детьми, постирушками. Ему важно было не только удержать оставшихся женщин на ферме, но и привлечь молодежь. Молока стало не меньше, а жирность неожиданно для всех повысилась. Позже с этим еще более упорядочится, а пока что-то удалось поправить с людьми на фермах.

Из Муравьки перестали ездить в Нарышкино или Орел за шифером или замазкой для окон. Кирпич, цемент, краска половая или наружная, вплоть до строительства заборчиков вдоль улицы, — все приобреталось впрок заранее. Все необходимое люди получали в колхозной кладовой, не тратя на приобретение горсти гвоздей день, а то и два по бездорожью. Затеял комбайнер перевезти на свою усадьбу купленный дом под Белыми Берегами, в другой области, — Артюхов выделил сразу пять грузовиков: выхватили строение полностью за один раз. Через неделю механизатор жил в новом доме.

На этих примерах из практики учителя, ставшего сельским головою, видно, пожалуй, пока одно: уважение к людям. Оно окупилось удесятенным ответным уважением к тому, что важно

и нужно для общего дела. Перелом в делах хозяйства начался с того времени, когда люди почувствовали уважение к себе.

Спасибом сыт не будешь, это известно. Молочко, хотя и в убыток хозяйству, покамест помаленьку шло в гору, прибавляли буренки, а хлебушком питались мураевцы привозным, своего до новины не хватало. Мало удобрений! Пока раскachaешь животноводство, а химии всегда в обрез, за нею еще через десятки холмов доберись по бездорожью! Центнер-два раскидают на землю, где ближе — что слону дробина... Не ублажишь на отдачу такими «дарами» растратившую соки почву.

Десять лет пришлось мураевцам вымалывать у поля по центнеру прибавки, пока достигли дедовских рекордов, получили по шестьдесят пудов на круг. Даже обязательств на большее не брали: боялись осрамиться.

А перешедший вслед за директором из школы главный агроном теперь уже не потешного поля, а всего колхоза, кстати, ныне заслуженный агроном Российской Федерации Леонид Афанасьевич Мельников корпел с полеводами все эти годы над севооборотами. Вот что он придумал.

— Вся пашню мы разбили на отдельные участки, — говорит Леонид Афанасьевич. — Каждому, скажем теперь, избранному полю в один год давали полную норму компостов — двести тонн на гектар. Не торопились тут же засеять зерном или клубнями. Знали: на хорошо удобренной земле в первую весну свирепствуют сорняки. Сеяли там какие-нибудь силосные культуры. А по весне, когда сорняки вымахают в рост, зацветут, сбивали их с корня до вызревания. Только на следующий год сеяли пшеницу или картофель. Снимали зерна больше тридцати центнеров. Однажды на поле в семьдесят гектаров выросло по сорок девять центнеров ячменя.

— Сколько земли вам удавалось возродить таким образом в течение года? — спрашиваю у главного.

— Немного, разумеется... Два, от силы три поля... Пока обошли весь круг, прошло лет восемь. Теперь уже идем по второму и третьему кругу, но, конечно, ждем отдачи полной.

Леонид Афанасьевич предупреждает: на сытном пайке земля может и «забаловать». Если рассчитывать на постоянные высокие урожаи, взрыхлять клин полагается как можно раньше, тут же после уборки поля. В «Луче» это делается в один день с жатвой. Иногда комбайн еще на поле, а с другого края уже пашут. Вывернутые плугом сорняки затепло успевают прорасти, а первые морозы сводят их на нет. Здешные хлеборобы признают лишь августовскую зябь. Оттого и посевы на удивление прохожему у нас чисты. Кроме того, продолжает агроном, полагается выдерживать сроки полевых работ. Прибавку в три — пять центнеров обычно дают хорошо подготовленные семена. Это целая наука: раз пять за зиму перелопачиваем,

протравливаем, не даем ни подстыть, ни увлажниться. А во время уборки немудрено эти центнеры и потерять, все зависит от техники. Без техники сейчас хорошего зерна не возьмешь.

— Все двадцать комбайнов,— подытоживает Мельников,— у нас и в этом году и в прошлом были на ходу.

Потрясли экономику многих орловских хозяйств два последних года: то дожди, то засуха. И лучшие колхозы оказались отброшенными на исходные рубежи. Претерпел урон, но не сдался «Луч»! С двухтысячного по гектарам хлебного поля в дожди взяли по девятнадцать, а в жарынь по двадцать пять на круг. Для сравнения: по области — только десять центнеров! Который год уже Мураевка не виснет на руках державы должником ни по зерну, ни по мясу и молоку. Двадцать пять получилось у них в среднем и за всю пятилетку. А были годы, когда глубинная деревенька эта вытягивала своим хозяйством и по два хлебных плана!

Люди старшего поколения не забыли времена, когда задача прокормления себя была здешним жителям непосильной. Ныне и десять лет подряд цепкая эта Мураевка, укоренившаяся на родных холмах, выглядит бойкой и живучей. В пересчете на каждую семью излишки продуктов, отправляемые в город, выглядят так: вагон зерна, тонна мяса, десять тонн молока... И это не все! А картофель, свекла, гречиха? Родят здесь тоже, и не худо. Восемьсот гектаров отменной конопли! Семена класса «элита» идут за границу. Конопля тоже была одним из рычагов, при помощи которых мураевцы совершили поворот в своей судьбе.

О молоке из глубинки хотелось бы начать со случая. Прослышал Артюхов, что уважаемая в колхозе доярка хочет сбыть со двора ненужную ей буренку: дети выросли, определились, муж к молоку равнодушен. Для ее личных потребностей соседка всегда литр одолжит — с избытком... Около коров и на ферме надоело, года выходят. Пригласил доярку в контору, усадил в кресло напротив себя.

— Давно в городе были, Дарья Захаровна?

— А на прошлой неделе... К дочери ездила.

— Как там с молочком, не обратили внимания?

Молчит доярка. Неспроста председатель разговор затеял. Перешел к делу:

— Корову сбывать не советую!.. Вам молочка вдосталь — в городе с этим продуктом негусто. Тяжело с кормами — привезем к дому. Выдти, если когда немоготу, помогут люди. А пока сила в руках есть, подержите буренку. Это моя просьба.

Мне привелось быть свидетелем спора, возникшего под открытым небом у животноводческого комплекса на взгорке между Мураевкой и Цвеленовом. Сошлись трое: Артюхов, Мельников и Генералов. Последний, тоже из бывших учеников Артюхова, секретарь партбюро.

Три вожака хозяйства, оглядывая подворье ферм, выбеленные строения коровников, с озабоченным видом заговорили о том, какими цветами надо было обрамить подступы к фермам и что из деревьев годилось бы в ряды между скотными дворами...

Показалось, что Алексей Николаевич был неприятно ворчлив в эти минуты и въедлив, делая замечания главному агроному насчет промашки с цветами. Пока руководящая тройка договаривалась об исправлении досадного упущения по части внешнего вида скотного двора, я развернул свежий номер районной газеты «Новая жизнь». Публиковались фамилии лучших тружениц ферм. Из сорока имен мастериц доения семнадцать из «Луча», причем первые четыре места прочно завоеваны женщинами из этого хозяйства. Наиболее добычливым в районе «Луч» назван по надоям от каждой коровы. Лучшей значилась и ферма, у которой мы сейчас стояли, думая о цветах. Сразу за мураевской в списке шла должонковская ферма, тоже принадлежащая «Лучу революции». Больше других, судя по сводке, производили мураевцы не только молока на сто гектаров угодий, но и мяса. А вот с закупками молока у населения уступали первенство колхозу имени Суворова...

Мне в самую летнюю рань привелось наблюдать, как происходит здесь сбор молока от населения в добавку к артельной молокодаче. У дворов колхозников, с внутренней стороны палисада, за крашеными оградками вкопаны специальные скамейки. На них, чуть возвышаясь над верхней кромкой ограды, чтоб рукой взять, стоят одна или две крупные банки с молоком от утреннего надоя... Молчаливый возница-молокосборщик, подбадривая коня вожжой, не нарушая притуманенной тишины утра, молча опрокидывает банки в бидоны, отмечая в тетрадке количество предложенного ему хозяйкой молока. У одного дома возница поступил наоборот — поставил банку молока на пустую скамью. Там жила пенсионерка...

Однажды Артюхову едва не вклепили выговор за интеллигентскую слабость, за излишнюю благотворительность свои же правленцы. Надо до такого додуматься: кормить тех, кто в поле, бесплатно? А таких в страду до сотни наберется! И не раз, а дважды в день.

— Не голодные времена! — возражали одни. — Да и обидятся люди за такое подаяние, при заработках сейчас все. Давайте установим плату.

Пустили в ход костяшки счетов. Безвозмездное харчеванье сулило убыток на восемнадцать тысяч за сезон.

— Два щитовых дома можно поставить за эти деньги! — прикидывали доморощенные рачители.

— Потери будут, — согласился Артюхов. — В нашем крестьянском деле без риска не обойтись. А разве не убыток, когда механизатор, заглушив мотор, плетется через поле за миской супа к себе домой? Время на туда и обратно считали? А вдруг и жена занята на том же

поле или на другом, ей и того раньше нужно оставить плантацию? Но это не все. Про настроение человека забыли? Не обернется ли скрытой отдачей наша забота о людях, когда каждая минута дорога? Давайте, друзья, попробуем. Прогорим — своими председательскими компенсирую потери.

Нехотя подсчитали правленцы на счетах — расходы на новую затею Артюхова получались увесистые. Зато в селе прибавилось еще одно строение. Уютная столовая. В цветах, а внутри — под краску. С умывальником и разделкой. На столах крынки с топленным молоком, как дома. Своему и проезжему в радость. А тем, кто посчитает зазорным принимать в наше время даровой харч в поле, подадут еду за современным столом из пластика — свежую телятину с жареным картофелем, орловских щей миску и малосольных огурцов... С трудового полтинника получишь половину сдачи за всю эту благодать. Сыт и денег почти не убавилось. Так, на пачку папирос. С кухни белозубо улыбнутся на прощание и напомнят, что ужин у них в семь вечера, по научным правилам.

Если сооружение Дома культуры на скудные средства обескровленного войной и недородами хозяйства в свое время вызывало насмешки над Артюховым, возведение учебных мастерских на территории машинного парка можно запросто отнести к прожектерству. Да, мастерские именно учебные, для старшеклассников, которым придется осваивать здесь по всем нынешним нормам и программам профессию механизатора. Дипломы комбайнера, шофера, тракториста, слесаря получат парни и девушки из «Луча», не выезжая за этими профессиями в город.

— Мы много думали на правлении обо всем этом, — разъяснил свою позицию Артюхов. — Конечно, куда проще отправить их после восьмилетки в СПУ, обучить делу на казенный кошт. Но здесь вступают в спор между собою два важных фактора: очевидный материальный выигрыш при обучении подростка на стороне и скрытые вначале, дающие себя знать несколько позже недостатки в воспитании.

Артюхов привычным жестом потер виски, напрягая мысль, отыскивая нужные слова, улыбаясь притом с доброй лукавинкой в глазах, вдруг предложил:

— А вы возражайте, спорьте со мной... Здесь важен психологический момент. Пятнадцатилетние пареньки и девчата, даже из числа неважно успевавших в школе, равныхся из-под родительской опеки, едва ступив за околицу, попадают в обстановку непривычную, испытывают нечто вроде невесомости: и городскими не стали и деревенская наука начисто вылетает из головы.

Привычки детства, не осознанные ими покамест, какое-то время держат их за сердце. Мы замечаем, как эти неокрепшие «стригунки» почти вприпрыжку бегут от автобуса к родной калитке, когда

разрешат на побывку. Здесь, пусть на несколько дней, они превращаются снова в маминых детей, жадно вдыхают запах домашних щей, запах материнских рук. И уже по-иному воспринимают родительские слова, рассуждения о жизни.

— Может, это лирика? — сам себя спросил Артюхов и сам же ответил: — Тем не менее ко времени окончания учебы в СПУ или техникуме редкий из наших парней не просится в родной колхоз обратно. Рано или поздно прибываются опять к дому...

— Но ведь Юрий Гагарин в подростковые годы кончал ремесленное училище и всегда тепло отзывался о своей «ремеслухе», — заступился я за училища.

Артюхов парировал:

— И все же не стал литейщиком, пошел в авиаторы!.. Впрочем, не подумайте, что я не доверяю мастерам и воспитателям городским. Встречаемся и с ними. Да вот показалось нам, что сможем в сложившихся условиях сами, без разрушения очень важного в подростковые годы микроклимата, обучить ребят интересным для них профессиям...

Лугами Мураевка на редкость обделена. Но руководители колхоза не позволяют односельчанам бродить с мешками и кошельками по буеракам и неудобям в заботах о своих животных. У домов — сараи, а у сараев — стога. Девять исполинских скирд у ближней к селу фермы. Это ценнейший корм — трава костер, выращенная на полях. Я видел, как убирали многолетние травы на одном из таких искусственных лугов: десять тракторов с прицепами вывозили подробленную сенную массу прямо из-под комбайна, доставляли на силосование. Часть этих заготовок предназначена домашнему скоту. Но главное молоко, конечно, с ферм. К зиме на каждое животное здесь приготавливали по двадцать три центнера разнообразных кормов. Молока предполагают взять не меньше трех тысяч семисот килограммов на круг. Так было и в прошлом году. Сравните с надоем по области: две тысячи двести.

Это не прикидки наобум, а привычные цифры для мастеров доения. Депутат Верховного Совета СССР Мария Ивановна Пахолкина и ее подруга Валентина Алексеевна Романова, есть и другие, с должонковской фермы, получают годовой сбор от своих групп животных по четыре тысячи килограммов. Оплата труда доярок — двести и больше рублей в месяц, кроме премиальных. Механизаторы получают несколько выше. Производство молока притом не влетает муравцам в копейку, как в других хозяйствах. Фермы дают прибыль около трехсот тысяч в год.

В последний приезд в Мураевку меня ждала приятная встреча прямо в поле. В книге «В своей деревне — пророк» я рассказывал об эпизоде: юная выпускница десятого класса Маша Губарева плакала в колхозной конторе перед Артюховым. Председатель вручал ей

направление в Курский сельскохозяйственный институт, а девушка отказывалась уезжать в город, боялась, что не примут в родное село после окончания учебы... Пришлось Артюхову писать еще одну бумагу — письменную гарантию о трудоустройстве девушки через пять лет.

Комсомолка Маша Губарева, не желающая ни за что расстаться со своими Должонками, — самая младшая из многодетной семьи знаменитой в тех краях доярки. Несколько старше этой сестренка Наташа уже училась в том Курском, на стационаре, и тоже по направлению колхоза. Маша опасалась тогда, что своя же сестра или кто другой — стипендиатов насчитывалось одиннадцать — окажется удачливее ее при распределении в родной колхоз... Я узнал девушку в стайке подружек в кузове прицепа по густым, подбеленным солнечными лучами бровям, очаровательным ямочкам на тугих щеках. Красавица учится заочно, на третьем курсе уже, а в колхозе она тоже своя и необходимая. Сейчас Маша с азартом молодости трудится на заготовке кормов. Проворно мелькают руки, держащие вилы. Охапка за охапкой сухая душистая трава ложится у ее ног. Подружки подают ей эти звенящие травы, уже сейчас пахнущие молоком. Окрест весело от женских голосов, от косынок. Чем-то давним, торжественным веет от всего поля. Разгар лета, но жарко людям от напряженных забот о днях студеных.

К выпускникам вузов Алексей Николаевич стал более подозрителен. Много амбиции, нескромные подчас требования у юных. Приехал один, окончив курс наук в Ленинграде. Поддай ему должность главного... Поставили. Ладить с людьми не умеет и не хочет этому искусству учиться. Чванлив, руки замарать в соляре боится. Пришлось расстаться.

— В колхозе работа всякая, — рассуждает, хмуря брови, Артюхов. — Особенно на уборке, да и когда машина обломается... Вот ведь Машенька и в работе, и в песне хороша, добрым зоотехником будет.

Всех детей Губаревых помнит по имени, пятерых, знает со школьных лет.

Пришел желанный достаток в дома колхозников, и дома эти вслед за людьми будто распрямились, стали светлее обликом и выше дедовских изб. Возвратились в отчие края все бежавшие. Сверх того в Муравку просятся на жительство чужие и дальние, согласны на испытательный срок, лишь бы приняли, поверили им. Пишут крановщики и шоферы со строек, механики с заводов, выпускники консерватории, желающие открыть в «Луче революции» отсутствующую пока там музыкальную школу... Среди посланий есть совсем горькие, вроде письма знатной доярки с Днепропетровщины, награжденной высоким орденом: в хозяйстве, где трудится эта умелая и отчаявшаяся женщина, нет порядка, и она готова покинуть опостылевшее ей из-за пьянок родное село, чтобы жить и работать в хорошем коллективе...

В школе, некогда обреченной на закрытие, давно не осталось свободных парт. Сделали пристройку, интернат, а рядом — мастерские по нормам городского производственного училища. Из восьмилетки та школа превратилась в полную среднюю с двумя десятками классами. Академия педагогических наук посчитала целесообразным провести в Мураевке выездную сессию для изучения того, как приобщают детей к одной из главнейших по нынешним временам профессий — земледельца. В последнюю очередь гости хотели знать, какие блага удерживают парней и девушек в селе, отстоящем за шестьдесят километров от заштатного райцентра, а от областного и того больше, что у них сейчас на уме... А блага эти — новая машина для выпускника школы или демобилизованного воина, трехмесячная работа на ней при хорошем заработке, новый дом, если женился, и прибавка к зарплате на обзаведение. Для девушек — их, к сожалению, меньше — строится быткомбинат, скоро кризис на невест в селе перестанет быть столь опасным. Кроме этих очевидных преимуществ, многое такое, чего не предложит молодым ни один город: чистый воздух полей, птичьи симфонии над холмами, похожими на хлебные караваны, натуральные продукты в достатке, для несемейных и занятых в поле имеется бесплатная столовая...

— Впрочем, мы радуемся, если мураевские парни после института и девушки хорошо проявят себя где-либо на большой стройке, в армии, — заканчивает разговор о молодежи председатель.

Инженер из Брянска немало удивился, услышав, что нога шефов никогда не ступала на земли этого колхоза. Все успевают сами, еще другим помогают.

— Над вами приятно было бы взять шефство, — признался невольно. — А то вкладываем заводом целым в поля и фермы своих подшефных, будто в прорву. Никакого виду. В чем ваш секрет?

Артюхов поморщился. Не любит этого слова.

— Работать надо!

Рассказал недавнюю историю. Позвал его коллега к себе в хозяйство как депутата областного Совета. Посмотри, мол, своими глазами, что у меня и как, отчего дело не клеится, земля глуха... Походил по селу, в мастерские заглянул. Везде мусор, грязь, кучи железа. У мастерских разобранные моторы под дождем, окурки, бутылки... «Когда думаешь выводить машины в поле?»... «А у меня из пяти комбайнов только два на ходу!» Посмотрел я на него и сказал то, что вам, дорогой шеф.

Очень емкое это слово — «работа»! Человек этот мог, имел право почитать в школе историю, пересказывать ее по учебникам детям где-нибудь в богатом селе или в городе, а то и вовсе жить на пенсию все четыре десятка лет после войны. Однако не захотел жить только для себя. И сейчас встает по-крестьянски с зарей, хлопотлив не в меру.

Успехи Артюхова пытаются определить на тонны и центнеры.

Измеряют их по количеству орденов его и у колхозников, по числу переходящих знамен. А главный итог видится все же в другом. Пробудив землю, вдохнув в нее новую силу, Алексей Николаевич одновременно привел к активной жизни сотни односельчан. И они уже не уронят славы своей Муравки.

1977—1981

ГОРОДИЩЕНСКИЙ ПАРЕНЬ

— Зовите меня Юрой... Просто Юра, так удобнее,— смущенно попросил электросварщик, пригнув со лба щиток, поглядев мне в лицо. Я понял: так ему удобнее при разговоре со старшим по возрасту.

Ему-то, может, и привычнее, когда называют лишь по имени, подумалось мне в ту минуту. Но ведь человеку под сорок. Женат, двое детей на выходе из школы. Дом с садом на круче за Десной. Отец семейства, хозяин... А все еще не отвык от мальчишеского обращения к себе.

Черные, с редкими нитками седины витые волосы, кольцо в кольцо, глубоко посаженные, как у поездных механиков, глаза. Такими глазами только вдаль глядеть. За отворотом спецовки синими полосками, что нежданные волны в степи, мелькнула тельняшка. Вид флотской одежды на Юрии избавлял меня по крайней мере от одного неперемennого вопроса в мужском разговоре — о службе в армии. Тельняшка уже не один раз ужалена искрой, но служит надежно.

Знакомство наше произошло несколько лет назад. Помнится, вначале я спросил: не трудно ли Юрию носить фамилию Королева?

Переступил с ноги на ногу, глядя на кончик недожженного электрода в зажиме, щедро улыбнулся:

— Да уж плохо жить с такой фамилией нельзя!

Жить, в понимании Юрия Леонидовича Королева, бригадира электросварщиков с Брянского машиностроительного, означает прежде всего совершать что-то, действовать.

Городище — древняя слобода над поймой, поселок. Народ здесь домовитый, мастеровой. Высокие, прочные строения, яркие по весне сады, шумные свадьбы... И место для заселения предки выбрали себе на отшибе от города и завода, на самом высоком взлобке за рекой. Немалая та река видится с вершины холма длинным свадебным полотенцем, оброненным в лозьяке и красноталах, невзначай упавшим с крутого плеча посаженного дружка.

За горделивость и уважение к зажитку городищенцев не любили в окрестье, побаивались, особенно приезжий люд. Не всяк и на постой рещался к ним: в каждом дворе собака... Но вот в призвании к труду городищенцам никто не отказывал. Что ни дом, то мастеровой со своей фамильной профессией — отменные бандажники, кузнецы, лекаль-

щики... И в войне не один отличился. Приведись случай надеть всем заречным парадное — от орденов и медалей радуга в глазах, как от яблок в садах по осени!

Юрий воспитывался в доме отчима, Дмитрия Федоровича Красного. Красным в тех местах зовут все, что ярко, годно в дело, молодецки сработано. Отчим хорошо поет, это всем известно окрест. В работе тоже красен.

Отчим — мастер на производстве с довоенных лет. В мастерах ходит в тепловозном цехе его сын Виктор; Юрий — на сварке, но и он окончил школу мастеров без отрыва от основной профессии, хоть сейчас старшим на участок зови. Давно уже в аттестациях пишут о Юрии:

«Лучший сварщик министерства... Ударник... Победитель соревнования в восьмой пятилетке, в девятой, десятой... Кавалер ордена Трудового Красного Знамени в тридцать лет, орден Ленина за успехи в последние годы...»

Был у Юрия закадычный друг Анатолий, по фамилии Дворянчиков. Вместе облетали смолоду Дальний Восток и Север, приложили руки к сооружению морского причала, на линии Абакан — Тайшет скрепляли вечным швом тяжелые мостовые балки. То был соколиный круг едва оперившихся птенцов перед прочной посадкой в родное гнездовье. Вернулись на завод, попросились в бригаду сварщиков в механосборочный. Старались друг перед другом. Здесь говорят: «Шли ноздря в ноздрю». Но так жизнь устроена: кому-нибудь из двух чуть побольше везет. Поди разберись, где оно, это самое «чуть», и что такое «везет»? Может, в самом человеке до поры спрятано.

Везло Юрию. А тут еще цеховые философы подзуживали. Так иной раз крутанут словом, что не сразу и поймешь, сочувствуют или насмешничают над Анатолием:

— Ты, парень, только «дворянин», а Юрка — «король»!

Расстались. Не любил Анатолий шуток над собой. Вдруг ушел, откололся от слетанной пары, не захотел быть ведомым. Долго жалел Юрий о таком недоразумении. И сейчас жалеет. Не однажды приходилось оставаться им с Дворянчиковым за целую бригаду. И успевали, не снижали общего задела!

Не один год уже над кучерявой головой бедового электросварщика Юрия Королева витает, то касаясь легкими крылами, то отлетая в тень, нелегкая его трудовая слава. Несдержанно трубили местные газеты: «По методу Юрия Королева», «Школа Королева», «Новые обязательства передовой бригады электросварщиков»... Не каждый из стоящих рядом берет на веру эти слова, даже печатные. Засомневалась однажды и областная газета: мыслимо ли за два-три года вместо пяти поднять в коллективе, как обещает Королев, производительность труда на тридцать девять процентов? Понаехали журналисты, пригласили понятых из заводских принципиалов. Как нитку сквозь

игольное ушко, пропустили через рамки современной науки о труде каждую строку обязательств бригады. Решили: не дастся Королеву столь высокий процент. Велели ему забыть и замолчать. Королев и прежде не очень-то навязывался со своим словом. Внял совету, смолк, однако от обещанного не отступился. Правда, от двух пятилетних планов за одну пятилетку отказался. Осилит один план за три года с четвертью. Неплохо! А вот с непокорным процентом по производительности труда справился. Вместо тридцати девяти, взятых комиссией под сомнение, повысил на сорок девять.

Одни радовались, другие завидовали. Иногда вроде бы по-свойски одергивали: «Чего пуп рвешь, денег не хватает?» Зарабатывал Юрий прилично. Нередко выпадали премии. Он сам заговаривал дома о том, чтобы жена, Ада Васильевна, работавшая в городском ателье, оставила свое шитье и переключилась на ребят. Вадик с Леночкой дружно учились, еще дружнее росли. У них появились новые интересы. Дети по целым дням дома одни. Семья — это тоже производство, из сложнейших.

Как-то Юрию заступил дорогу у проходной один из заводских, все время набивавшийся в советчики.

— Давно замечаю: ты везде хочешь быть на виду... То в президиуме сидишь, то вот машиной обзавелся, чтобы от других отличаться... Может, в герои метишь?..

Юрий с сожалением посмотрел на него. Не всякому ведь объяснишь: нравится работа, не хочется топтаться на одном месте сегодня, завтра, послезавтра... Сонная жизнь не по нутру!

Сварщиков на заводе сотни и сотни... В любом цехе, небось, не обойтись без скрепления деталей вечным швом. И повсюду есть асы этого дела. Слава Королева кое-кого из мастеров сварки задевала. Юрий замечал: вблизи его рабочего места толкнутся полужнакомые и совсем незнакомые соглядатаи. Кто подойдет, поздоровается, а иные так и стоят поодаль, скосив глаз.

Один из бригадиров составил целое послание Королеву, отправив его через партком завода. Мол, низко кланяюсь таланту Королева и охотно отдаю ему свою бригаду, а сам становлюсь под начало Юрия Леонидовича рядовым. Лишь бы наш герой заводского масштаба принял этот вызов и приглашение...

Молодой коммунист и человек прямой, Юрий Королев дал согласие, едва послание было оглашено на заседании комитета. Стали думать вслух. Из неторопливых слов свидетелей этого поединка Юрий понял, что широкие жесты и громкие фразы не всегда соответствуют высоким целям. Бригада, откуда последовало столь загадочное послание, в самом деле нуждалась в помощи. Однако что означал бы немедленный переход Королева в другой цех? Прежде всего отказ от собственных обязательств, провал личной пятилетки у себя в цехе. Итоги выполнения обязательств в механосборочном тогда еще не были

подведены. Юрию отсоветовали на этот раз закрывать своим талантом «амбразуру» на другом участке, да еще в те дни, когда дела на своем не доведены до конца. Хотя в победе Королева никто уже не сомневался.

Вскоре, когда он все-таки перешел в отстающую бригаду, не в ту, куда с театральным жестом его приглашали, а в иную, еще более запущенную, Юрий со всей глубиной оценил мудрую сдержанность старших. Товарищи из парткома помогли выйти из кризисного состояния и авторам послания и самому Королеву дали возможность подтвердить делом свои слова о высоком проценте. Благословили затем того же Королева на переход в отстающий цех.

Вторую часть своего рассказа об упрямом электросварщике, о новых его заботах и в новой бригаде хотелось бы начать словами: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Но что-то мешает мне с полной уверенностью сослаться на известную погудку. Наверное, слово «счастье». О каком счастье, собственно, может идти речь? Наладилась работа в коллективе, пошел план? Даже некоторый задел появился в бригаде, о чем здесь не слыхивали со дня сотворения цеха. Но ведь задел этот, исчисляемый двумя-тремя вагонами, прошедшими по конвейеру сверх графика, может оказаться за какую-нибудь неделю «съеденным» из-за нерасторопности поставщиков рам или крыш, что часто здесь случается. И от непрочного бригадирского счастья останутся лишь воспоминания. Впрочем, подождем с опасениями. Речь-то ведем о Юрии Королеве, а парень он, помимо всего прочего, гордищенский!

Поговорим о несчастье, которое действительно помогло раскрыться еще одной грани его рабочего таланта.

Тревога обрушилась на завод, на время приглушила местные нелады среди электросварщиков кузовного цеха, коим незадачливо руководил предшественник Королева. Цехи один за другим рапортовали на исходе того памятного года о досрочном выполнении пятилетки. Было чем гордиться: с испытательных стендов сходили один за другим красавцы дизели для океанского флота, отправлялись в долгий путь тепловозы. Радовали глаз эlegantные секции исполинских холодильников на колесах... Почти все эти изделия шли со Знаком качества! Заказчики хватали их с колес, принимали свеженькими из-под кисти заводских маляров. Претензия одна: «Давайте побольше!». А больше получалось не всегда...

Подвели строители, не справившись в заказные сроки с новым кузовным цехом. В работном пылу металлисты поздно вато обнаружили подвох. Гроза прогремела над крышей недостроенного цеха, отдалась тяжким вздохом по всему заводу. Дважды орденосный ВМЗ, завод с мировой славой, отмеченный многими знаками трудовой доблести, переживал несвойственное ему состояние поражения: впервые за долгую историю пятилеток брянские металлисты оказались

не в чести... Слег директор, запросили отставки наиболее честолюбивые руководители производства. Рабочие негодовали в адрес строителей, припоминали грехи по части недопоставки жилья. Доставалось и представителям министерства: знали о слабостях строителей, но упрямо планировали выпуск дополнительных секций под несуществующий цех.

Давили «с тыла» домохозяйки: отцы семейства не принесли премий ни за последний квартал, ни за год в целом. А на прибавку к зарплате в семьях уже рассчитывали как на нечто обычное.

И все же нашлись в заводской среде такие Иваны, которые не спешили кивать на Петра... Пусть план не дался сполна. Но ведь можно было изготовить холодильных секций побольше, чтобы разрыв между заказом и выполнением не был таким уж стыдным. Спорили между собой и на людском кругу: можно было или нельзя?.. Если все-таки можно, то где своя собственная вина? В чужом глазу... Принялись перебирать доморощенные изъяны в производстве, в людях. Вышло, что подводили-таки сварщики. На одной нитке конвейера по сборке кузовов люди подбирались старательные. Эта южная нитка, что называется, тянула за две. На ней прочно стоял заводской ветеран сварного дела Василий Сергеевич Бушуев. А по соседству, на нитке северной, хотя она в пяти метрах от южной, — ералаш, неразбериха, частая смена вожаков... «Нет, с такой бригадой, с работой такой нужно кончать. В новом ли цехе, старом ли придется возвращать должок державе...» — рассуждали теперь, морщась, как от зубной боли, руководители.

И тогда старшие товарищи, что в свое время пригасили добрый порыв Юрия Королева, произнесли нужное слово: «Пора!» Конечно, как всегда в подобных случаях, не скупилась на обещания, энергично поучали, но Юрий понимал: главное зависит от него.

Нового вожака в бригаде встретили очень даже «весело», только в жестяные ведра не били. Двое вообще не явились на смену, а один пожаловал в таком виде, что лучше бы ему на глаза людям не попадаться.

— Пил и пить буду, — заявил он, не дослушав осторожных расспросов Королева о настроении. — Зачем тебе мое настроение?

Остальные посмеивались, наблюдая за нахалом, заодно и за новым бригадиром. Юрий прекратил ненужный разговор, взялся за свой полуавтомат. И лишь после этого один по одному приступили к делу остальные. Но что то была за работа? В механосборочном, откуда пришел Юрий, ему с товарищами приходилось сваривать детали повышенного класса точности. Творческий характер труда, особая ответственность перед изделием дисциплинировали людей, заставляли быть молодцом. Здесь — отштампованные заготовителями массивные рамы и грохочущие стенки вагонов из толстой жести. Срастить их не задача и новичку с двумя месяцами стажировки. Правда, скрепить можно по-разному.

Люди наблюдали за бригадиром, но и Юрий не забывал о своих обязанностях увидеть и оценить каждого. Иные хотя и не пили в открытую, вели себя все же развязно: едва приткнув конец раскаленной проволоки к стыку металла, шли на перекур, а там на обед раньше срока и с обеда не торопились. До конца смены еще сорок минут, а отдельные нетерпеливцы уже сбросили робу, потянулись к табельной за номерком. Там они будут стоять и курить у закрытого оконца. Юрия удивляло: мимо этой оголтелой кучки с опущенными головами проходили мастера, мог появиться начальник цеха. Хуже всего то, что никто из «досрочников», откладывая дело почти на час раньше, не интересовался, как там с выполнением дневного задания бригадой, наконец, как выглядит его личный итог в сравнении с остальными.

Между тем были среди сварщиков люди с прочными навыками, умевшие работать красиво. Особенно приглянулась бригадире старанием своим одна из трех электросварщиц. Ее будто не интересовали перепалка между мужчинами, едкие словечки остряков. Подключив ток и углекислоту к аппарату, опустив свой щиток-забрало пониже, она как бы отрешалась от всего остального мира. Случай подтвердил невеселую догадку Юрия.

Сварщица, конечно, замечала, что почти все, кроме бригадира, не выждав часа, покидали рабочие места. Но сама она, поглядев на маленькие наручные часики, выключила полуавтомат точно в положенное время.

— Послушайте! — назвав ее по имени, попросил Юрий. — Мы не дотянули до нормы одну перегородку и кусок стыка крыши над задней стенкой. Давайте останемся минут на тридцать...

Он хотел было рассказать о том, как они выручали в подобных случаях свой механосборочный цех вдвоем с Анатолием Дворянчиковым. Но женщина слушала новичка, сдвинув брови, и глядела куда-то в сторону.

— Я свою норму выполнила, — спокойно, однако с неприятной резкостью в голосе сказала сварщица, ловко сматывая кабель и заталкивая аппарат в ящик. — И завтра выполню, не сомневайся! Но за других вкалывать не стану, не жди.

Юрий понимал, что означало бы выполнение нормы бригадой с первых дней появления его на северной нитке. Лучшие люди быстро обрели бы вкус к н о р м а л ь н о й работе. Тем, кто потерял совесть, пришлось бы задуматься. Их можно перевоспитать. Юрий так и сказал женщине о том, что нужно воспитывать у людей новое отношение к труду. Поторопился с откровениями! У этой проворной бабенки, похоже, был приготовлен ответ.

— Ты получаешь десять процентов надбавки за бригадирство, — резала она словами, — вот и воспитывай! У меня дома есть кого

воспитывать — ребенок! И вообще, как видишь, я баба, а у нас, кроме сварки, есть и такое занятие — стирка... Договорились?

Она показалась Юрию даже злее тех, что открыто отлынивали. Бросила, уходя:

— Как бы они тебя самого, миленький, не перевоспитали на свой лад!

Невольно вспомнился недавний разговор на летучке. Рассказывал такой же, как Юрий, бригадир, постарше годами. «И что же ты за человек такой несговорчивый! — подступалась язвкватая женщина к новичку. — Вот был у нас до твоего прихода старшой Семен Егорович. Сунешь ему трояк в карман спецовки — и гуляй себе до окончания смены. В табеле «восьмерка», и в доме порядок!»

Завтрашний день не принес перемены к лучшему. То, что случилось в цехе ночью, подтверждало слова электросварщицы. Двое из кузовного цеха забрались в кладовую, выкрали бутылку с техническим спиртом. Одного в тяжелом состоянии подобрала «неотложка». На другого тут же составили акт. По заводу разнеслась весть: «В бригаде Королева воры!»

Юрий понимал: история со взломом кладовой — игра в поддавки, грубый, запрещенный прием. Кто-то, быть может, третий, невидимый пока, решил проучить Королеву, отвадить от кузовного. Один из отличившихся в воровстве, говорят, совсем был непьющим, но на руку нечист. Другой — алкоголик, с ним не случайно столкнулись в первый же день. Его, оказывается, с той поре оформили на принудительное лечение. Выходит, обоим терять нечего.

Хотя Королев был едва знаком с правонарушителями, отвечать пришлось и ему: бригадир. А тут еще нашла дорогу в цех жена одного из них. Двое детей у бедолаги. Меч навис над бесшабашной головой прямого виновника, а удар может срикошетить по малышам. Не ведая толком, правильно ли поступает, бригадир ходил к следователю, просил отпустить воришку на поруки... На душе было мерзко.

Нужда в вагонах диктовала меры строгие: наступило время освобождаться от балласта, брать взамен нерадивых лучших, даже из других цехов. У Королева были на заводе, конечно, не только завистники и недоброжелатели. Приходили свои парни, единомышленники, друзья из собратьев по профессии. «Юра, возьми в бригаду!..» В такие минуты комок сдавливал горло. Как нужны были ему эти парни! Но бригадир хотел прийти к перелому в бригаде своим путем, без заема сил на стороне.

Как-то, оставшись доваривать внутренние перегородки. Юрий почувствовал за спиной характерное потрескивание горящего металла, вспышки огня, обернулся: у другого листа молча вел шов Геннадий Гришин. Бригадир, не сняв рукавицы, положил парню руку на плечо. Тут же вспомнил: сторонился его Геннадий в первые дни. Опомнился? Надолго ли? Спасибо и за это!.. Домой ушли не раньше,

чем проверили огоньком все ненадежные места стыковки деталей. Ночью вагон был сдан приемщику министерства путей сообщения без замечаний. На другой день Юрия отозвал в сторонку еще один молодой сварщик. Он мог остаться, но не во вторую, а в третью смену. Это совпадало с наметками бригадира. Парень заодно сдаст целую секцию, с которой не обернулись-то по мелочам. Утром вагон сиротливо стоял, как на приколе... На этот раз не понял замысла бригадира мастер цеха. Увидев ночью на подмостках одинокого сварщика, подумал бог весть что, отослал домой. Понимай как хочешь такую «бдительность».

План все еще оставался для бригады мечтой. Отдача у одних повысилась, другие глядели на новшества Королева изучающе, действовали по принципу: ты нас не тронь — и мы не тронем. Первая зарплата с нового места работы была так не похожа на прежние, что разговаривать об оставлении Адой Васильевной ее ателье ради воспитания детей было бы смешно. Жена молча взяла из рук Юрия тощенькую пачку десятков и поскорее упрятала с глаз. Забегая наперед, скажем: ей пришлось-таки распрощаться с раскроем тканей. Не сразу, несколько позже. Известная мастерица пошива, проработавшая в мастерской дамского платья без малого тринадцать лет, пошла в мужнин железнодорожный цех. Без рабочей профессии человек на заводе — никто. Девочка на побегушках. Разносила наряды по участкам, перематывала катушки с проволокой. Иногда проходила вдоль стальных рельсовых ниток, узнавая в согбенном сварщике мужа. По спечовке с подпалинами узнавала, не раз стиральной ее же руками. Под грохот пневмомолотков разговаривали жестами и взглядами. Ада улыбалась, муж злился: не сам ли виноват? Зачем с таким восторгом рассказывал дома о двух девушках из бригады, Гале и Маше? Обе начинали на камвольном, прядильщиками, а потом полюбили огневую мужскую профессию. Может, и Ада поступит так же. Дай только привыкнуть в цехе!

И дома она была неизвестна, словно попала в команду космонавтов. Смеялись с мужем: слишком быстро сгорела на новом месте флотская тельняшка Юрия! Сразу десять пробоев искры!.. Торжественно, всей семьей отправили форменку «на пенсию».

Появились пробоевы другого свойства. К молодому бригадиру подступалась бессонница. А главное — до обидного медленно менялось положение дел. Угнетала мысль о несданных вагонах, целых секциях, поездах. Временами не доставало характера. В одну из таких ночей Юрий тихонько поднялся с кровати, прошел в комнату сына, выдрал из раскрытой тетради сдвоенный листок. Написал заявление об уходе. Сложенный в кармане спецовки лист бумаги с несколькими горькими словами признания своего бессилия «ходил» теперь вместе с Юрием на смену и со смены. Как ни странно, это помогло ему успокоиться!

В народе говорят: сердце бедствует, а руки действуют... В попытке как-то размежевать спевшихся дружков он решил поделить бригаду и работать в две смены. Если понадобится, даже в три! Задержавшись на час-полтора на стыке смен, бригадир мог обзреть результаты первой половины дня и дать запев на вторую.

Сварка — занятие мудреное. Этому виду труда не на пользу суета и многолюдие. Юрию с первого появления в цехе показалось, что шестнадцать человек для сборки вагона — много. Прежние вожаки набирали людей с запасом: на прогулы, на отпуска, на травмы... Под рукой все равно оставалось с десяток. Так пусть же и остается десять-одиннадцать, но надежных. Без запланированных травм и прогулов.

Двое сразу отошли в связи с вылазкой в кладовую. Бригадир не попросил для них замены. Еще двум Юрий без обиняков напомнил о возможной несовместимости их поведения с новыми порядками в бригаде... Это было круто. Запротестовали те, кто прежде постоянно слал подкрепление в бригаду: «Вы же из отстающих? Зачем людей разгоняете?»

Королев объяснил:

— Уходят лодыри... Люди остаются.

Не все было просто. Запросилась в другой цех та, что приглянулась ровным огневым почерком и старанием. Она спасала свой принцип: ни метра лишнего шва для завода, ни минуты на спасение планов.

Вышло, что рвалась в открытую дверь. Юрий не стал отговаривать. Разговор об ее уходе все же произошел через несколько месяцев. По ее инициативе. Нет, она не просилась обратно. Она пришла лишь сказать: «У вас интереснее!..»

Она встретилась глазами с новичком Сашей Аничкиным, у которого из-под спецовки выглядывал свежий воротничок гимнастерки. Поняла: «Этот принят вместо меня, ученика взяли!»

Умело разделенная на группы бригада заработала с неожиданным усердием. Большая забота по-крупному легла на плечи каждого. Среди шестнадцати не вдруг и вспомнишь, кто где. Не явись кто-нибудь на смену из пяти — сразу заметен. Не довари стыка — прятаться не за кого, все как на ладони... Теперь, если в первую смену выходил сам бригадир, вторую возглавлял Геннадий Гришин. Даже двух женщин, Галю Воробьеву и Машу Левину, пришлось расставить по одной в смену — для вдохновения. И чтоб поменьше мужчины ругались. На обед идти — и то, оказалось, гуртом веселее. Компания для одного стола. И хозяйка тому столу имеется, своя. А в застолье, глядишь, и разговор не только о хлебе и соли:

— Как там у тебя, Виктор? Тянешь?

— Думаю к смене успеть! А ты, Борис?

— Не было бы перебора с углекислотой!

Нельзя сказать, что руководители цеха не помогали Королеву. Не раз на дню появлялись то заместитель начальника цеха Сначев, то его

зам — Лукашевич, от которого зависело снабжение сварщиков всем, от проволоки до углекислоты и тока с нужным напряжением. Не забывала парней и Дина Михайловна Потупалова — секретарь партбюро. Эта добиралась и до Королева, когда загорячится.

Юрий просил об одном:

— Снабжайте деталями обе нитки поочередно! Не создавайте мне особых условий... Не маленькие, справимся!

И артистично работающая на кране Надя Рагозина с ловкостью ресторанный официанта разносила по бригадам: на одну нитку лобовую стенку и на другую; вагонную крышу Бушуеву, такую же Королеву...

Настала пора им выходить на контакты: медлительному и важному, знающему себе цену Бушуеву, бригадиру с южной нитки, и порывистому, задерганному неладами Королеву. Бушуев двадцать шесть лет на сварке, в одном цехе. Здесь слово «ветеран» уже мало что говорит. Патриарх! Он и внешне какой-то монументальный, надежный. По просьбе ли самого Бушуева, или так случилось, но когда его попросили сняться для публикации в многотиражке, потребовал, чтобы поставили рядом и супругу. Тоже ветеран труда, маляр в механосборочном. И наград у них почти поровну, словно Бушуев делится с Марией Егоровной добытком славы. А может, как раз наоборот, и так бывает.

Поначалу у Королева с Бушуевым отношения не ладились. Бушуев критически наблюдал за частой сменой бригадиров на северной нитке. Юрий с его нетерпеливостью, иногда резкостью выделял ему одним из многих. В свою очередь, Королев не терпел дядек слишком уж осмотрительных: работа есть работа!.. В медлительности Бушуева он видел приметы старения, что ли. А раз так, то на большое дело не раскачаешь. И все же младший, встречаясь взглядом с соседом по нитке, не выдержал, заговорил:

— Ну, как там у вас, Василий Сергеевич?

— А... как всегда.

«У нас не как всегда, — рвались наружу слова. — Вчера мы раньше вас вагончик спихнули. И опережение в человеко-днях у нас больше».

Это было, конечно, неприлично, но Юрий не раз ловил себя на мысли, что он радуется такой неофициальной «победе» над бригадой Бушуева. Тут же окорачивал свои восторги, упрекал себя в ребячестве, рассуждая вполне резонно о том, что Бушуев не так прост, все это видит, не может не видеть.

Бушуев был более запаслив. Юрий уже не раз обращался к соседу с просьбами: то инструмент запропастился, то вдруг не хватило проволоки... Отказа не было. Но вдруг Бушуев сам явился на северную нитку да с таким разговором, что если уважить, то кто знает, чем услуга доброму человеку для самого тебя обернется. Двух человек

попросил до середины дня! Из бригады в бригаду! Как-то неожиданно прозвучала эта просьба. Неужели зауважал всерьез?

Но ведь это просит сам Бушуев!.. Заметался мыслью Королев, а решение уже созрело: конечно, нужно выделить электросварщиков! Может, и самому пойти? Не поймет, обидится!

Парни ушли, отработали на участке соседей. Кажется, именно в тот день Юрий окончательно решил: рядом с Бушуевым идти долго. А если так, то нужно дать парням из той и другой бригады померяться сноровкой. Сегодня мы к нему пошли, завтра его парни нам огоньку поднесут. Опыта у бушуевцев, как у богатой невесты в сундуках...

Я попросил Королева разъяснить, почему в обязательствах его бригады нет пункта о повышении разрядности для тех, у кого она еще низка? Спрашивая так, я думал о Саше Аничкине — парень в сварке такой же салажонок, как и Лида из бригады Бушуева. Но о Лидочке уже заботятся, записали ей повышение разряда в коллективное обязательство.

Королев изучающе посмотрел мне в лицо, будто прикидывая, стоит ли мне доверить некий секрет. Сказал, как мячом футбольным в девятку ударил:

— К концу года мы все будем работать по четвертому разряду. Чтобы дело вести наравне и зарплата поровну!

— Но ведь у вас, Юрий Леонидович, пятый разряд, а у Саши — третий?!

— Откажусь от своего разряда! — заявил Королев и не стал больше разговаривать об этом. Замысел, что и говорить, в духе Королева! В этом пункте социалистических обязательств, как бы резервном, не помеченном в документе, главным, конечно, было не стремление к уравниловке, а нечто большее, что покамест не ложилось в строку, а может, даже было не до конца ясным самому бригадиру. Во всяком случае, Юрию виделось нечто братское, доверительное, щедрое... И те, что идут с запасом мастерства, и кто помоложе, вроде Саши, станут вести любую сварку на равных.

Передо мной еще один листок. Разграфленный на маленькие квадраты с цифрами. Все это взято со стенда в цехе. Речь идет о ходе выполнения обязательств уже не по бригадам, а по ниткам. Ежедневный труд не только сварщиков, но и слесарей, монтажников, правщиков... Сварщики все же остаются неким ядром в коллективе.

Трудно пересказывать языком прозы вещи еще более прозаические. Игра цифр увлекательна для любителей арифметики. Перескажу упрощенно. В той части стенда, где прописана бригада Королева, показатели фактически выполненных работ точно совпадают с плановыми. Я сказал бы, излишне даже точно. Задано на сборке кузовов шесть единиц изделия, шесть и собрано. Полагалось на другой день сдать восемь готовых вагонов, восемь и отмечено. А вот на южной, которая всегда считалась более основательной и надежной и тянула

порой за две, в квадратах стенда — пестрота. Нет-нет и проскользнет сбой: вместо семи заданных — шесть, вместо пяти — четыре сданных вагона... Досадная единичка, черт возьми, всего лишь единица, но эта палочка в графе обозначает не выданный на линию целый вагон!

Сейчас план по рефрижераторным секциям завод выполняет исправно. Месячные задания по крайней мере удаются. Элегантные холодильники на колесах дружной цепочкой уходят с подъездных путей на большие дороги страны. Продукты в них, недоступные ни тропической жаре, ни северным холодам, сохраняются в первозданном виде, если вагон пересечет земной шар. Таких вагончиков только дай! И если у брянцев получается-таки с ними, то отчасти и потому, что в новом кузовном цехе прибавилась еще одна активно действующая «огневая точка» Юрия Королева.

Однажды я заметил: если в Брянске произнесут в разговоре фамилию «Королев», то сначала уточнят: «Юра?» Легко понять, что тот, иной Королев, просто недоступен для обсуждения. А Юрий доступен, он свой, известный многим в лицо. И все же этот, обыкновенный, что ли, Королев, брянский, очень труден для зарисовки его портрета. Вот черты нынешнего портрета Юрия Королева, взятые мною из приказа министра тяжелого и транспортного машиностроения: «С целью распространения современного опыта сварочных работ на полуавтоматах провести на производственном объединении Брянского машиностроительного завода школу по изучению методов труда электросварщика кузовного цеха тов. Ю. Л. Королева».

Школа такая в хозяйствах министерства проводилась впервые, не во всем она удалась в Брянске, отнюдь не по вине основателя школы, но она состоялась не без пользы для слушателей.

Портреты передовиков пишутся не только рукой министров. Вот что говорит о Королеве одна из сварщиц его бригады, Галя Воробьева:

— Юрий кладет шов ровно и красиво... Как вышивальщица на ковре. Посмотреть и то приятно.

Немного известный уже нам Геннадий Гришин склонен к более конкретным оценкам людей.

— С приходом Юрия в бригаде стало как-то уютнее. Раньше с работы торопились, теперь тянет на смену... Всегда у нас что-нибудь новое.

Саша Аничкин:

— Никуда не хочу из нашей бригады!

Младший брат Юрия, Виктор, мастер из тепловозного, пережил случай: во время ночного дежурства обнаружил трещину в станине особой ценности станка. Не исправь до утра — завтра работы на целую смену! В цехе есть свои наладчики, сварщики. Вроде бы их в первую очередь касается. Но Виктор рванулся в полночь, через мост за Десну:

— Братка, выручай!

Утром старший сдавал младшему исправленный станок. Кто здесь

кого выручил: брат брата? Кузовной цех — тепловозников? Человек выручил свой завод! Это тоже штришок к портрету Юрия Королева.

Вспоминается момент: готовый кузов ушел на сдачу, заготовители поставили на отдалении новую раму. Есть специальная служба в цехе, люди есть, которым полагается придвинуть раму точно к подмосткам сварщиков. Но люди эти разошлись куда-то, быть может, по зову руководителя цеха. И тогда, повинувшись короткому взмаху руки Юрия, бригада подняла щитки, отложила аппараты. Все впряглись в исполтинскую тележку о восьми колесах... Не своя, вроде бы, работа, да когда раздумывать, если время бежит? Десять минут — и те в копилку пятилетки.

У секретаря парткома вагонного производства Г. И. Мишина свое мнение о Юрии:

— Что сказать о Королеве? Прежде всего то, что это современный рабочий!

Один из участников школы Королева, заместитель главного сварщика Коломенского тепловозостроительного завода, лауреат Государственной премии СССР Я. Б. Энтин, кладет следующие штрихи к портрету:

— Королев, конечно же, мастер нашего дела. Скоростная сварка на повышенных режимах еще недостаточно изучена. Быть может, здесь есть и риск. Но то, что Юрий Леонидович успешно пользуется таким методом вместе со своими товарищами, сулит немалые выгоды производству не только на брянском заводе...

1977

...ПРОЯВИЛ СЕБЯ БОЙЦОМ

Как ни старался мальчонка со спичечной фабрики Вовка Зеболов быть потише, не соваться лишний раз, куда не следует, чтобы избежать сурового отцовского наказания, все у него почему-то не ладилось и выходило в конце концов вопреки желанию. Жили они с отцом и старшим братом Мишей полусиротами. Не сравнялось и полутора лет ребенку, как умерла мать. А когда в пятый класс перешел, сверстники потянули в ближний буерак поглядеть на вспышку серы, перемешанной с солью. Добыл один сорванец в цехе... Отвезли Вовку в больницу едва живого.

— И без того, считай, сирота, а теперь и рук лишился, — судачили о нем женщины в бараке. — Хоть бы господь прибрал, пока в беспамятстве.

Отец, Аким Демидович, сильно напился в тот день и побрел почевать к своим коням. Много лет состоял он при тягловой силе на фабрике «Ревпуть», ухаживал за вороньими и чалыми, шил хомуты,

скреплял дратвой порвавшиеся шлеи. С утра возил на станцию ящики со спичками, оттуда — лес. Как мыслил себе глава семьи дальнейшую жизнь покалеченного сына, попытаться было нельзя, потому что удался конюх неразговорчивым, почти бессловесным. И в лучшую пору он как бы не замечал своих детей, не до них было усталому человеку. Доверил воспитание мальчонки и уход за скудным их жильем старшему сыну, Михаилу.

Брат у Вовки был рослым, к четырнадцати догонял отца. Его избрали комсомольским вожакom на фабрике. При всей немислимой нагрузке общественной работой Михаил успевал отлично учиться в школе, готовился на рабфак. Вечно в руках у него какой-то недоделанный прибор, стамеска или разводной ключ. И улыбка до ушей, открытый взгляд серых глаз. Мастерил парень искусно, придумывал новые схемы радиоприемников, не стеснялся толкнуться со своими затеями к тем, у кого дело шло получше. Живя без матери, старший тянул в доме и за прачку и за кашевара, не позволяя голодать отцу и братишке. Мог погасить гнев родителя и успокоить Вовку, когда у того не ладилось с арифметикой. Иногда и сам выдавал «кренделя», удивляя отца. Накатал как-то вечером, когда другие члены семейства улеглись на отдых, большущее письмо Надежде Константиновне Круппской, рассказал об их житье.

Отозвались скоро. Всяк в поселке удивлялся ответу из Москвы. Младшего Зеболова столичные медики звали к себе на обследование. Михаил, подзавяв денюжат, повез брата в далекий город.

Во время сложной операции проявилась детская стойкость в ребенке, перенесшем несколько хирургических вмешательств подряд. Мальчик получил возможность выполнять без посторонней помощи кое-какие работы по обслуживанию себя. А главное — он смог возвратиться к учебе. «Брат Миша — самая большая радость моего детства», — не раз вспоминал Владимир Акимович в кругу близких. Однако и эта последняя радость недолго согревала его жизнь. Быстро подкатились годы войны. Михаил окончил училище и стал командиром. Уже после прорыва блокады Ленинграда разминировал Михаил Акимович улицы города и подорвался на mine. Михаил посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Нечаянные взрывы будто преследовали семью Зеболовых! Однако сколько других ослепительных вспышек явила судьба Зеболову-младшему, то затмевая ему взгляд внезапным мраком, то озаряя сердце неожиданной радостью. Ко времени, когда уже не было в живых надежного опекуна, шел Владимиру только двадцать четвертый год. Считай, юноша. Но имя этого человека уже было овеяно славой блистательных свершений, о которых знала и говорила с восхищением вся страна.

Не теряя из памяти примера старшего брата, Владимир, возвратившись из Москвы, поступил на «отцовскую» фабрику. По вечерам учился и успешно закончил Маловышковскую среднюю

школу. Юноша зачитывался книгами о чекистах, решил поступить в Московский юридический институт. Здесь, когда он был уже студентом, застала Владимира война.

О дальнейшем говорят строки из «Истории Великой Отечественной войны». На странице сто двадцать второй второго тома читаем: «Комсомолец В. А. Зеболов — студент Московского юридического института — в результате несчастного случая лишился кистей обеих рук. В ЦК ВЛКСМ, куда Зеболов обратился с просьбой послать его в тыл врага, юноше сказали: «Но ведь никто еще не прыгал в вашем положении с парашютом». «Но ведь в мире нигде, кроме нашей страны, нет и Советской власти!» — ответил Зеболов. Он был принят в партизанский отряд и стал хорошим разведчиком. Вот из таких замечательных, до конца преданных Родине людей, горевших желанием сражаться с врагом в его тылу, и формировались в прифронтовых и тыловых районах нашей страны партизанские группы и отряды».

Самое большое, на что мог рассчитывать тогда студент-белобилетник, это исполнять поручения старших, быть связным в части, передавать что-то на словах... Зеболов упрямо ждал решения военной комиссии. Ему ведь обещали подумать, не отказали! В ЦК ВЛКСМ не забыли о том разговоре с бесстрашным юношей, готовым пойти на любое задание. Определенное впечатление на военных людей произвело то, что студент оказался родом из места, где формировались полки Щорса, студент назубок знал биографии героев гражданской войны, восхищался разведчиками.

Так случилось, что Зеболов попал в расположение отряда Ковпака. Разведку там возглавлял Петр Петрович Вершигора. В книге «Люди с чистой совестью» автор ее тепло пишет о боях и походах, в которых принимал участие Володя Зеболов, о личном вкладе этого разведчика в победу. На многие годы они с Вершигорой оставались друзьями и даже вдвоем написали после войны книгу «Партизанские рейды».

— Сначала мне поручили, — вспоминает Владимир Акимович, — доставить аккумуляторы к подпольной радиостанции в Ворожбу. Это отнюдь не только физический труд. Полторы сотни километров я нес, обходя вражеские гарнизоны, тяжелую коробку со свинцовыми пластинами — без нее нельзя было отряду установить связь с Москвой. Шел ночами. На день закапывал коробку где-либо в лесу, а сам отыскивал путь надежнее. Возвращался, подбирая поклажу.

Непосредственный начальник Зеболова, командир разведгруппы Иван Иванович Бережной, ныне полковник в отставке, рассказывает:

— Это случилось после форсирования Днепра. Как наиболее отважному и находчивому бойцу, мы поручили Зеболову охрану партизанского пункта связи. В то время радисткой у нас была Аня Маленькая. В ушанке и наушниках, занятая очередным сеансом связи со штабом соединения, Аня не слышала и не видела, что творилось

вкруг. Внезапно дозорные боевого охранения заметили на проселочной дороге штабную легковушку оккупантов, а недалеко от нее грузовик с карателями. Последовала команда, и мы пошли на сближение с машинами, намереваясь отсечь легковушку от грузовика и взять в плен офицера. Фашисты после первых же выстрелов начали выскакивать из кузова автомобиля. Как выяснилось после, они оказались выпускниками юнкерского училища. В разгар схватки мы как-то упустили из вида «оппель», юркнувший в кусты. Шофер тоже растерялся и погнал машину прямо на пункт связи. И было в той машине, кроме офицера, еще двое матерых гитлеровцев. Володя оставался возле радиетки один. Он обстрелял машину. Метким огнем уложил всех троих. А потом кинулся нам на помощь... Это был для нас самый обычный день на войне.

Удивительные порой выпадали встречи! Рейд С. А. Ковпака, начавшийся в Брянских лесах, огненной волной переметнулся на правый берег Днепра. Гибельным для врага смерчем возникли отряды партизан то на берегу Буга, то в отрогах Карпат. Основным заданием Владимира Зеболова стало прощупывать маршрут впереди колонны. На тридцать, а случалось, и на сто километров опережал он основные силы своих. Шел через оккупированные села. Возвращался, докладывал обстановку.

Однажды в лесу близ Ровно его остановил окрик часового. Потребовал пароль. Зеболов тут же отозвался. Когда повели его в ближнее село, Зеболов был представлен самому «бате», хозяину здешних лесов. То был исхудавший от болезни, с желтыми подглазьями, нестарый еще, высокий человек в кожанке с чисто выбритым лицом.

— Так вы ковпаковец? — удивился командир незнакомого Зеболову отряда. — Не ждал вас так скоро...

Вслушиваясь в мягкую южную речь посланца от Ковпака, офицер уловил одно-два слова, которые были в ходу лишь в Придеснянском краю. Осторожно спросил:

— Вы не брянский случайно?

— Злынковский, — уточнил Зеболов, улыбаясь. Он уже догадался, кто перед ним. — Мы с вами земляки, Дмитрий Николаевич.

— Сейчас все земляки, кто бьет оккупантов, — подчеркнул Медведев. — Как там наша Бежица? Слышали что-нибудь?

Ковпаковец приняля торопливо рассказывать.

«Проговорили всю ночь, — вспоминал Владимир Акимович. — Медведеву было все интересно, чем жили в те годы его земляки. Глаза стали печальными, когда узнал о чудовищных разрушениях в городе его юности».

Так, вдалеке от родных мест, на военной тропе познакомились два брянца, внесшие каждый по-своему весомый вклад в разгром врага. И после победы они не однажды встречались. Как историк Владимир

Акимович много времени отдал сбору материалов о Дмитрие Медведеве, не раз выступал о нем в печати. В том числе защищал публично его книги, когда на них обрушивались неразборчивые рецензенты. Требовалось настоящее гражданское мужество для таких выступлений.

В новую коллективную книгу о Брянщине, которая должна выйти в Москве, В. А. Зеболов написал интересный рассказ о героической семье Медведевых, сообщая совсем неизвестные факты из жизни их большой и яркой семьи.

Владимира Зеболова представляли во время выступлений как соратника Ковпака и Руднева. Слова эти абсолютно верны. Больше того, он был близким другом этих замечательных людей. Даже в суровой обстановке тех лет командир соединения и его боевой комиссар находили самые задушевные слова, чтобы охарактеризовать брянского собрата по оружию.

В Киевском музее Великой Отечественной войны хранится документ за подписями двух партизанских генералов. В нем написано: «За время пребывания в партизанском отряде тов. Зеболов принимал участие в ряде боев, где проявил себя смелым, самоотверженным бойцом. Неоднократно участвовал в дальних разведках, добывая ценные сведения не только для нашего отряда, но и для всей Красной Армии. За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами, тов. Зеболов представлен к правительственной награде». Подписи: С. А. Ковпак, командир соединения; С. В. Руднев, комиссар.

Речь шла об ордене Красной Звезды. Всего за время войны и после нее удивительный этот воин был отмечен наградами восемь раз. Другие награды нашли его значительно позже.

Кто из фронтовиков не помнит первых месяцев после победы? Четыре огненных года, казалось, состарили людей того поколения... Считал ли себя двадцатичетырехлетний Володя Зеболов тогда юношей, начинающим жизнь? Едва ли. Гражданские привычки он почти забыл. Ему казалось, что навсегда отошел и от книг. Годы требовали от него смотреть на все теперь глазами взрослого человека. Постеснялся даже напомнить институту о своем студенческом звании, о праве на учебу. Вокруг разруха... Пошел в техникум. Окончил его. Немного поработал в системе кооперации. И понял: он не хозяйственник. Призвание в другом — быть всегда с людьми, вести их на рубежи новых свершений. И вот Зеболов снова в стенах высшего учебного заведения. На этот раз в своем областном педагогическом.

То было интересное время, когда студента по одежке не отличишь от преподавателя — все в гимнастерках, шинелях, в бушлатах. На лекциях и коллоквиумах по новой истории гремели споры о том, что видели их участники совсем недавно своими глазами, отстаивая и историю и право на жизнь всей страны. Вчерашний народный мститель Павел Васильевич Лазаренко преподавал историю древнего

мира, то и дело обращаясь за героическими сопоставлениями к героям Брянских лесов. Ему вторил исследователь недавних боев и тоже кадровый офицер Дмитрий Никифорович Хонкин. Эти люди во многом научили молодого Зеболова методике научного истолкования фактов общественной жизни, бережному отношению ко всему, что сохранил для дальнейшего существования народ.

Кроме курсовых и дипломной, Владимир Акимович исподволь готовил ряд научных исследований. Одно из них — об организации рейдов по тылам врагов — стало темой диссертации для соискания ученой степени кандидата наук.

В студенческую пору судьба свела Владимира Акимовича с Елизаветой Григорьевной, молодым ученым-филологом. Она стала для него на всю жизнь верным помощником и другом. Единственный сын их Георгий — инженер, живет в столице. Вместе с дочерью Юлей они часто приезжают в Брянск.

Вторая часть взрослой жизни Владимира Акимовича, мирная, столь же щедрa на отдачу, как военная. Помимо обучения и воспитания молодежи, доцент Зеболов вел разнообразную общественную работу. Он избирался кандидатом в члены обкома КПСС, в партийное бюро вуза, был делегатом XIV съезда профсоюзов. Лет пятнадцать возглавлял методический совет при Новозыбковском пединституте.

Как-то в квартиру известного партизана и краеведа постучались гости из столицы партизанского края — знаменитой Сечи. Дружина юных следопытов просила у Владимира Акимовича разрешения носить его имя.

Преподаватель института В. А. Зеболов много лет отдал систематизации трудов своих коллег. Немало сил ушло на участие в подготовке третьего тома «Истории Великой Отечественной войны». Его перу принадлежит историография партизанского движения на Брянщине. Основательно помог ученый и Воениздату с выпуском документальных произведений «Партизанские были» и «На партизанских дорогах». Имя ученого-патриота значится под двумя исследованиями о польско-советских отношениях, написанными для зарубежной прессы. Давней мечтой Зеболова было создание всеобъемлющей историографии о борьбе партизан и подпольщиков в годы гитлеровского нашествия. Во многом он преуспел и в этой работе.

И в шестьдесят он выглядел очень молодо. Худощавый, стройный, он, широко вышагивая, обходил утром для разминки ближние кварталы города. Не заходя в дом, отправлялся на занятия в институт, отстоящий от его жилья за несколько километров. Улыбка и доброе приветствие было его «пропуском» в студенческие аудитории. Помимо всего прочего, он был всегда подтянут. Когда ему, отнюдь не ради комплимента, говорили о его аккуратности, отвечал древней притчей: «Проповедник должен быть сам благообразен».

На лекции или просто на встречах с юными, а таких встреч с возрастом не уменьшалось, в образе этого несдавшегося человека являлась как бы сама Героика. В пример юношам, мечтающим о подвигах, Владимир Акимович Зеболов был подвижником истинным, добившимся признания и славы беспрестанными победами над трудностями бытия. В назидание хлюпикам и маловерам воин и гражданин Зеболов олицетворял мужество и честь. Никакие беды не обломали его орлиных крыльев, не помешали ему достичь признания и известности наряду с самыми смелыми соколами отчей земли! Невозможность пользоваться записями, вера в силу живого слова сделали его отменным оратором. Во время его лекций зал был переполнен. Многие пареньки-студенты подражали его походке, манере говорить. К нему всегда шли, чтобы найти опору, когда постигнет беда...

Есть свершения, которые даются лишь сообще, вселюдно. Но и коллективный подвиг венчает кто-то самый умелый, храбрый, удачливый. Одним из таких прекрасных людей современности, живым олицетворением партизанского края стал на долгие времена воин и гражданин Владимир Акимович Зеболов. Его уже нет среди нас. Но смерть над такими не властна. Он отверг ее вместе со всевозможными бедами, так и не положившими его на лопатки.

1984

КУЗНЕЦОВО ПОЛЕ

Без качества в работе не может существовать никакая профессия.

Н. Е. Брызгунов

1

Трактор — изделие кузнеца. В основных деталях машина куется, как происходило это с орудиями земледелия в незапамятные времена. И кусок металла — исходный материал, и горн, и наковальня, и брызги окалины от удара молота по размягченному в печи железу, и мудрый прищур ведуна в фартуке у наковальни, от опыта которого (именно от опыта!) зависит удача всей затеи с подспорьем землепашцу — все это можно увидеть и сейчас в кузнечном цехе Волгоградского тракторного.

Конечно, молот у нынешнего коваля поувесистее былого, от двух до десяти тонн. Огонь в печи раздувается отнюдь не кожаным мехом, не уголек под ним тлеет — газовое пламя полыхает вовсю... Человека у наковальни иной раз называют бригадиром, поскольку два, а то

и три подручных у него да нагревальщик с подавальщиком. И все же лучшего слова, чем «кузнец», для обозначения этой профессии пока не придумали. А потому, скажем, даже Николай Егорович Брызгунов, Герой Социалистического Труда и кавалер многих иных наград, носитель громких титулов, по своему положению в обществе, официально числящийся руководителем небольшой дружины металлостроителей, на вопрос любой анкеты о занимаемой должности и профессии отвечает коротко и гордо: «Кузнец».

Если взглянуть на Николая Егоровича походя, просто ради интереса к малознакомому заводчанину, то вот он, весь на виду со своей неломкой биографией: в отдаленной уже поре — мальчишка, родившийся накануне войны в крестьянской семье на хуторе Булгаково близ Ахтубы, затем пастушок в летние месяцы, ученик местной семилетки, разнорабочий в поле... В подростковые годы Колю, как многих его ровесников, потянуло в город. А там учеба в ремесленном по ускоренной программе, затем подручный кузнеца и сам кузнец... К молоту встал почти четверть века тому назад, все в том же звании у молота и сейчас.

Однако кузнецов на заводе сотни! Был среди них до недавнего времени и еще один Брызгунов, Иван, не из простых, видать, Иванов — мастер первой руки. Прежних подпасков родом из Средне-Ахтубинского района не перечесть. А Герой Социалистического Труда из широкого круга сверстников, однофамильцев и вообще мастеровых он один — Николай Брызгунов! Случайно ли это?.. Иные скажут: «Да», — но давайте повнимательнее приглядимся к Николаю Егоровичу.

При всей внешней простоте событий в жизни этого человека очень даже непростым, всегда углубленным, часто творческим было отношение его к главному занятию, к делу. Еще будучи подпаском, Николай улучал минуту-другую, чтобы протиснуться в хуторскую кузницу, где священнодействовал тамошний умелец Иван Ефремыч. Мальчонка неумело предлагал ему свою, часто докучливую для взрослого человека помощь. Мог забежать и попозже, когда склынет народ. И тогда он во всю мощь детских глаз наблюдал за полетом молота в жилистых руках бородача. Было для Николая чудом видеть, как из бросового, проржавевшего куска железа по воле сурового на вид, с подпаленной бородою деда рождалась на наковальне очень нужная в хозяйстве вещь — тяпка, подкова, а то и лемех к плугу.

Практика учащихся ремесленного началась в плохо приспособленных, разрушенных войной цехах, в грохоте и копоти. Удары железа о железо сотрясали не только стены цеха, но и, казалось, всю территорию завода, нешутейно напоминали бомбежку, памятную с детства.

Пареньки из группы Николая, вкусив такой судьбы, стали тихонько отсеиваться. А Коля Брызгунов оказался среди самых

стойких, несдающихся. Однако и жилистые парни, глядишь, застревали в подручных надолго, рассуждая меж собой: хоть и жарко в подручных, да меньше спросу!.. Брызгунов походил под рукой старших год целый, а другой неполный — и стал к молоту. Не сам стал — позвали, уверяли, что сможет, что учеба шла «в самый раз».

Не просто смог Николай: набрал в бригаду таких же юных, горячих характерами и тут же объявил, что поддерживает почин московских железнодорожников, станет с ровесниками бороться за звание бригады коммунистического труда! Сейчас-то всем известно, что на Волгоградщине парни Брызгунова оказались первыми в этом почине.

Девятнадцатого ноября — Николай помнит такие даты — на открытом партийном собрании молодой бригадир дал обещание не уронить чести волжан в соревновании с москвичами, а на другой день кузнецы выполнили сменное задание более чем на четыреста процентов. Парни, конечно, понимали: одними процентами здесь не обойтись. Кто в вечернюю школу записался, подобно бригадиру, кто в техникум или на курсы мастеров. Строже стали приглядываться к своему поведению вне завода. Звание им присвоил городской комитет комсомола — тогда еще не был отработан в деталях статус столь почетного титула для целого коллектива энтузиастов.

На вопрос о том, как сложилась судьба его завязтых помощников той поры, Николай Егорович спокойно и удовлетворенно отвечает:

— Не разлюбили ребята горячей профессии... Александр Моисеев теперь старший мастер в цехе, Виктор Чернышев давно возглавляет бригаду, отменный коваль, Вячеслав Панкратов — наладчик молотов, это тоже одна из важнейших профессий в кузнечном.

Николай Егорович невысок ростом, подобно многим южанам, смугл лицом, на вид щупл, не богатырь вовсе. В густых волосах едва приметные, но все же приметные нити седины. Глядя на него, как-то трудно представить себе, что этот человек за час наполняет готовыми изделиями тележку емкостью в пять-шесть тонн... А это значит только «поняничить» на своих руках железных младенцев ему приходится в день тонн под тридцать! Попробуй-ка перетаскать с места на место такую поклажу! Но кузнец не грузчик, который зачастую бездумно переваливает из одной посуды в другую нечто совсем незнакомое ему. Пристально наблюдая за игрой молота между станинами агрегата, кузнец должен успеть подхватить клещами из рук ближайшего помощника разогретый брус или пластину, ловко и точно опустить этот очередной дар товарища по профессии в подготовительный ручей на наковальне-штампе, с ходу нанести мощный и целенаправленный удар!.. Затем уплотненную, вытянутую на необходимую длину поковку перенести в клещах в окончательный ручей штампа. Здесь комментатор футбола сказал бы восхищенно: «Удар!.. Еще удар!» И каждое движение рук, не выпускающих увесистой

поковки, полагается сопроводить, как бывает разве у пианиста, нажимом ноги на педаль молота, чтобы удар получился нужной силы и, если угодно, тональности...

Были в цехе кузнецы, которые на спор лушили на этой наковальне грецкие орехи. Николай Егорович закрывает паровым молотом слегка выдвинутый товарищами спичечный коробок. Орехи колоть не пробовал.

Кузнец у агрегата весь в движении — от носка ботинок до кончиков волос на макушке. В разгар работы он напоминает не только пианиста, погруженного в некую симфонию, но и всадника, оседлавшего дикого в своем норове коня.

Девятитонный молот качается над поковкой, как ястреб над добычей, готовый к новому падению на остывающий с каждой секундой, меняющий свою окраску металл... Удар!.. Стержень вытянулся, уплотнился, сбросил с себя раскаленную ржавчину... Распределительный вал, обретший привычную глазу форму после очередного удара, крутится, бьется в ложе, вертится на подрагивающей наковальне, грозя выскочить из формы. Кажется, одно неверное движение руки или ноги — и все эти геометрически точные выступы на оси будут смяты, изуродованы, превращены опять в куцый обрубок. Однако неверных движений не происходит ни сейчас, ни через час.

Почти неуловимым, но бережным толчком в торец кузнец сталкивает одну за другой готовые поковки в передвижную емкость за станиной. Случается изготавливать поковки весом до ста килограммов... И тогда «нянчиться» с ними приходится еще более бережно: дорого стоит каждая!

Коленчатые валы, распределительные валики, балансиры, шестерни — это все давно освоено Николаем Егоровичем, в порядке совместительства владеют его искусством все подручные. При норме семьсот в смену они успевают в азарте уйти за тысячу. Позже на вопрос, за что он любит свою профессию, Николай Егорович весело отзовется, кивнув вслед покотившейся решетчатой вагонетке с поковками:

— Сразу видно, что кое-что для плана удалось!

Сейчас Николай Егорович чаще изготавливает коленчатые валы — самую ответственную деталь в ходовой части трактора. В месяц на пресс-молот норма тридцать две тысячи. И валы идут! С перевыполнением! Снова парни в бригаду подобрались один к одному: Николай Клементьев, Петр Глухов, Юрий Левин, Тихон Землянухин... Этот постарше других, нагривальщик.

2

Живет Николай Егорович в небольшой квартире на Спартановке, где конечная остановка знаменитой в Волгограде транспортной линии «Десятки». На смену кузнец ходит вместе с супругой Марией Никола-

евной. Она тоже кует, трудится в соседнем цехе на штамповке мелких деталей. Цех этот потише, и все здесь по сравнению с «мужниным» цехом скромнее, спокойнее, уютнее...

Вот Мария Николаевна, защищенная от огня плотным фартуком и щитком у лица, извлекает из печи круглую плашку величиной с ладонь, а прессовщица, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Зинаида Матвеевна Семина быстрым нажатием рычажка на станине выдавливает в размягченной плашке аккуратную зубчатую поковку... Каждые три-четыре секунды — шестеренка для заднего моста. При норме три тысячи штук женщины сработали в тот день на две сотни больше. Об этом их успехе и рассказала мне вечером гостеприимная хозяйка в небогатом семейном застолье.

Навестив Брызгуновых на Спартановке, я могу с полной убежденностью сказать: хозяева скромной квартиры не только мастера, любящие свою профессию, это настоящая, счастливая семья! Семья, где научились обращаться одинаково нежно и с железом в кузницах и с человеческим сердцем. Не случайно оба они, Николай Егорович и Мария Николаевна, при всем при том, что труд их, откровенно говоря, нелегок, вахту свою несут, находясь изо дня в день у раскаленного металла, обдуваемые резкими порывами воздуха, — они здоровы, выглядят свежо и молодо, и здоровье это у них прежде всего от внутреннего удовлетворения жизнью. Мне показалось, что неспроста Марию Николаевну с ее неугасающей улыбкой и румянцем на поленьких щеках в цехе зовут до сих пор Машенькой.

А Машенька Брызгунова, нагревальщица и подручная, успевающая извлечь из печи в смену три тысячи двести килограммовых «малых» поковок, успела за свой, совсем недолгий еще век родить и вынянчить троих детей! Двое уже взрослых: сын Саша в армии, дочь Аня — прядильщица на камвольном в Краснодаре. Самая младшая, Леночка, ходит в школу. А Машенька, их мама, собиралась в те дни отметить сорокалетие.

И все же они, истовые кузнецы Брызгуновы, не утратили в напряженных буднях способности по-родительски просто и душевно радоваться первым самостоятельным шагам в большую жизнь так рано повзрослевших детей. Собери воедино награды и знаки отличия отца с матерью, получится холмик, за которым немудрено проглядеть воспитание ребят. Но в этой семье такого не случилось. Добрую славу для своей фамилии «кует» потихонечку даже самая младшая, приносит в дневнике «пятерки». У старших детей свои успехи: сын хорошо служил, дочь старательно работает и учится. Вот свидетельство ее заслуг перед коллективом, где начал трудовой путь еще одной Брызгуновой. Письмо из комбината: «Уважаемые Мария Николаевна и Николай Егорович! Администрация, партийная организация, профком и комсомольская организация сердечно благодарят вас за хорошее воспитание вашей дочери, Ани...».

Я попросил Николая Егоровича показать мне грамоту Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя, чтобы списать в блокнот формулировку Указа. И здесь мне пришлось пережить еще раз, казалось, неповторимый момент, какой в свое время пережил в квартире знаменитого московского сталевара Виктора Владимировича Ключева.

— Мама! — позвал супругу Волгоградский Герой, видимо, привычным их семье словом. — Принеси, мама, награды.

Мария Николаевна Брызгунова, точь-в-точь как два года назад Анна Григорьевна Ключева, по зову своего мужа раскрыла бережным движением ладоней алые корочки с золотым тиснением — добыток непростой мужниной славы. А в нем, том добытке, тоже непростой ведь вклад ее самой — настоящей подруги, настоящего героя трудовой нашей современности!

Мне показалось в ту минуту: в нежных женских ладонях, будто в драгоценной оправе, лучше смотрятся чеканные грани мужских наград.

3

«Нелегко путь человека к трудовой зрелости».
(Из брошюры М. К. Аркатова «Мы — кузнецы»).

Наблюдая Николая Егоровича в повседневности, среди таких же, как он сам, рабочих завода, не раз вспоминал я крылатые слова: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

В те полузабытые уже дни и недели, когда выпускник ремесленного училища Коля Брызгунов пришел в цех и начал свой путь подручным, другой паренек, Михаил Аркатов, двумя годами старше, выглядел в глазах Брызгунова почти ветераном. Михаил уверенно обращался к нагревательной печи, становился к молоту, когда бригадира по каким-нибудь делам вызывали в заводоуправление. Позже Михаил возглавил огневую дружину. Николай с восхищением посматривал на этого бойкого, смышленного парня. Аркатова часто хвалили на летучках, называя его в ряду с кадровыми рабочими: Николаем Афанасьевичем Захаровым, Василием Никифоровичем Агарковым, Ильей Федоровичем Бородиным... Именно Захарову были обязаны Михаил и многие другие своей профессиональной выучкой. И было чему поучиться!.. Всем дала загадку неказистая на вид деталь — рычажок отводки. Много поковок шло в брак, даже вызывающе много! Приоравливались к зловредному рычажку этому и так и эдак. И лишь Захаров, умевший выверить весь процесс изготовления до мелочей, доискался причины брака: оказывается, при переносе

поковки от печи до гибочного ручья нельзя было менять положение рук! Неси тем боком, как взял с огня! Каприз да и только: не тем бочком положил железку дляковки — не жди нужного результата!

Михаил был чуть постарше Николая и его сверстников. Этим и объяснялось его заметное опережение в мастерстве. По крайней мере так думал Николай. Но вот приспело время Аркатову идти на военную службу. Смышленных, рано повзрослевших пареньков тех лет, не успевших повоевать рядом со старшими, привлекала героическая офицерская профессия. Юных сталинградцев охотно зачисляли в военные училища, оставляли в войсках на сверхсрочную. Три года — немалое время, и, пока Михаил проходил действительную, в цехе свыклись с мыслью, что чубатый кузнечонок этот больше не вернется на завод. Николай Брызгунов за эти годы вырос до бригадира. И вдруг встреча! В одинаковых спецовках, во время смены! Николай вроде бы занял место Аркатова на плакатах и «молниях». Брызгунов был запевалой на тракторном в борениях всех ковалей за почетное коммунистическое звание.

Михаил Аркатов тут же заявил руководителям цеха, что поддерживает начинание Николая Брызгунова и включается в соревнование с ним. Поддержка друга как нельзя нужна и своевременна. Это еще больше сблизило парней. Интересной и не лишней сложностей оказалась дружба двух талантливых рабочих, стоящих рядом у молотов больше двадцати лет. Они нередко становились соперниками: то один был впереди, то другой. Впрочем, награждали их за выдающиеся успехи в восьмой, затем в девятой пятилетках вровень, стараясь не обойти вниманием того и другого. М. К. Аркатов получил орден Трудового Красного Знамени, Н. Е. Брызгунов — орден «Знак Почета». Но не будем спешить с перечислением всех наград.

К осени 1968 года на тракторном сложилась редкая по своей остроте ситуация: все цехи вроде бы выполняют, а отдельные ибдут с приличным опережением заданий, но общезаводской план по сбору машинокомплектов оказался под угрозой срыва. На заседании парткома корпуса тяжелых молотов бригадир М. К. Аркатов выступил с дерзким предложением: не довольствоваться прежней нагрузкой на станки, которую определили в былые времена нормировщики, а довести выработку на каждом молоте до проектной и добиваться качества продукции на уровне государственного стандарта!.. Михаил Кузьмич заботился при этом прежде всего об отдаче своего молота и своего цеха и, конечно же, не мог предположить, насколько важным окажется его почин для остальных станочников завода и что затем он будет подхвачен другими предприятиями отрасли. Впрочем, клич Михаила Аркатова тогда еще прозвучал для многих неким вызовом. Раздались и возражения. Техника-то ведь не у всех одинакова! В цехе стояли и молоты-перестарки: от них не только проектной мощности ждать, а пора было списывать!

Очень важно было в те минуты, чтобы кто-либо из авторитетных кузнецов сказал свое веское слово в поддержку Аркатова, посчитал его расчеты на прибавку от молотов дельными, возможными. И Николай Егорович Брызгунов, тогда еще совсем молодой коммунист, работавший на молоте старой конструкции, втайне надеявшийся, что технику эту вот-вот сvezут в утиль, смело шагнул вперед, пошел за своим другом. Возможно, он вспомнил события десятилетней давности, когда сам очень нуждался в опоре на твердую руку Михаила и получил эту опору. Конечно, потребовались дополнительные расчеты, пришлось многое менять в смысле механизации вспомогательных операций, вплоть до установки конвейерных лент от печи до молота. Переиначили порядок наладки и ремонта станков... Результат этого почина в цехе оказался уже вскоре, а по итогам пятилетки цех оказался с приростом поковок сразу на двадцать процентов.

Н. Е. Брызгунов тогда стал Героем Социалистического Труда, а М. К. Аркатова наградили орденом Ленина.

О нынешних отношениях между этими двумя славными людьми может кое-что сказать такой житейский факт. Николаю Егоровичу с супругой очень нужно было именно в субботу, под выходной, попасть на свадьбу в деревню, километрах в семидесяти от города. Было дано такое обещание родичам! Но случилось так, что второпях, за сборами да покупками упустили время заказать такси, понадеялись на удачу. И последний автобус ушел. Расстроенный, покидал Николай Егорович смену. Об этой его задаче с транспортом, о том, что кузнец может не сдерживать данного им слова, узнал заместитель начальника цеха Владимир Филиппович Тарасов...

Михаил Кузьмич к той поре успел помыться в душевой. На завтрашний день у него, как у всех, свои планы. Однако ровно в семь, как намечали себе супруги Брызгуновы, у подъезда их дома стояла легковушка. За рулем не таксист, а Михаил Кузьмич, с которым по-доброму распрощались у проходной, пожелав друг другу хорошего отдыха.

4

Славен этот завод на Волге людьми, мастеровыми, а через их руки и делами. Многие страницы его почти полувековой истории написаны... золотом. Большие золотые медали и дипломы «Гран-при» Парижской 1937-го и Брюссельской 1958 года всемирных выставок. Золотая медаль выставки «Сельхозтехника» 1966-го, восторженные отзывы посетителей выставки «Сельхозтехника-78» в адрес новой модели трактора ДТ-75С. Вот лишь некоторые вехи трудовых достижений металлостов ВГТЗ. Впрочем, почему бы не сказать и о том, что тридцать три квартала подряд волгоградцы добивались первенства в соревновании с родственными предприятиями отрасли и получали переходящие Красные знамена. Заводчанам, как гово-

рится, было что вспомнить в преддверии полувекового юбилея предприятия. Ровно половину этого пути прошел в первой шеренге производителей Николай Егорович Брызгунов, чей авторитет среди мастеров кузнечного дела непрерываем.

Послушаем, что скажет о своей профессии Николай Егорович.

— Кузнец — всегда импровизатор, — размышляет Н. Е. Брызгунов. — Даже тогда, когда он принимает от подручного сотую или тысячную поковку за смену. Вот, предположим, сотая, та самая, которую мне Коля Клементьев вынул из печи и подал на ближний ручей, — вы с нашим парторгом Федором Павловичем Елисиным как раз подошли к молоту... Я размахался тогда, только подавай! И все же заметил: в раскаленном стержне не пятьсот пятьдесят миллиметров, а поменьше. Мало ли почему? Отрубили в заготовительном наспех или приемщики проглядели... А мне требуется точно пятьсот пятьдесят, и помощи ждать неоткуда. На осмысление обстоятельств и принятие решения — секунда, один лишь взгляд. И решение принято: вместо одного удара, подготовительного, по-нашему, я опускаю на недомерок два удара, один на удлинение поковки. Вижу: вытянул стержень! А дальше все пошло, как с нормальными поковками.

За годы работы у молота подсчитано: кулачковый вал требует пять ударов. Наибольшую отдачу от людей и техники берет малая с виду поковка — вилка переключения передач. Тонкая, извилистая посередине, она проходит по всем четырем «ручьям» штампа и вбирает в себя четырнадцать ударов молота!.. Сильно действует на руки, между прочим. От нее устаешь больше, чем от тяжеловесного изделия.

К числу сложных Николай Егорович относит ковку шатунов.

— На прошлой неделе, — с усмешкой вспомнил кузнец, — получил наряд на изготовление шатунов.

Такой заказ в цехе адресуют практически двум нашим мастерамковки: Михаилу Кузьмичу Аркату и Адольфу Васильевичу Пузанову. Я лишь издали видел, как они справляются с шатунами. Подумал тогда: а не спросить ли у кого из них, нет ли здесь какой особенности, ведь другие кузнецы не случайно обходят ковку шатуна. В общем, понадеялся на интуицию. А жаль! Тут же был наказан, едва принялся за дело. Поковка не давалась! Одна, а за нею еще одна пошли в отсев! И так бывает. Уметь многое еще не означает уметь все! Конечно, вскоре обрел нужную форму и наверстал упущенное. При задании 1550 штук отковал почти 1750 шатунов. Но секрета капризов шатуна до конца не разгадал...

Ухватившись за оброненное в разговоре слово «секрет», я прошу Николая Егоровича поподробнее остановиться на скрытых особенностях его горячей профессии... Пусть будет наш разговор «услышан» молодыми металлистами, в том числе и теми, кто излишне самонадеян порой или стесняется обращаться за помощью к старшим.

Вот что сказал по этому поводу всегда самокритичный Брызгунов:

— При изготовлении поковок со сферическими поверхностями, случается, залипнет иная в глубине штампа. На такой момент я держу готовый в бачке соляной раствор или техническую смазку. Через двести поковки смачиваю «ручей», одновременно он слегка остывает... Солью, однако, следует пользоваться осторожно. Излишек ее вреден. Чтобы освободиться от излишка, я время от времени делаю холостой удар...

Следующий подвох ожидает новичка у молота, если он упустит время для вытяжки коротковатой детали на нужную длину. Дело не только в длине. Она может оказаться в меру. Но если нет хоть малого запаса этой длины, а поковка попала в основной «ручей», лучше вернуть ее снова в подготовительный. Не пожалей лишнего удара, иначе в изделии обнаружатся скрытые трещины, порой глубокие...

Как бы кузнец ни увлекся работой, — продолжал Н. Е. Брызгунов, — не забывай о состоянии инструмента... Случается, от долгого употребления штамп незаметно глазу расслабится — происходит его раздувание, а то и загиб по краям. В первом случае, например, при изготовлении коронной шестерни, образуется полость, происходит внутренний разрыв металла. А при загибе краев штампа уродуется поковка, и тоже по краю.

Конечно, — подытожил Николай Егорович, — у каждого из нас свой опыт, свой почерк в работе. Но главные понятия о профессии кузнецы моего поколения брали у старших. Охотно передадим и передаем уже эти драгоценные навыки младшим, было бы у них желание учиться нашему древнему и нестарющему ремеслу.

Веря в свой безотказный молот, Николай Егорович понимает, конечно, что живет он в век постоянно меняющейся техники и обновления приемов труда. Он достаточно осведомлен: на подходе новая техника для кузнецов.

— Будем внедрять в цех принципиально иную технологию изготовления поковок по так называемому типу валов, на станках поперечно-клиновой прокатки. Если сейчас мы за смену с немалыми усилиями выдаем до семи сотен поковок, то в недалеком будущем каждая бригада станет вырабатывать такое количество за час-полтора. Причем почти не будет отхода металла.

Николая Егоровича серьезно тревожил неприятный факт: около половины всех изделий цеха еще не аттестовано на Знак качества.

На одном из стендов завода написаны слова, принадлежащие кузнецу: «К счастью и славе ведет лишь одна дорога — честный, самоотверженный труд».

Николай Егорович любит свою горячую профессию, не собирается расставаться с нею. «Вот подучусь на курсах мастеров! — говорит он, — и пойдем ковать железо дальше». Для многих в цехе он уже сейчас мастер из мастеров. Думы о будущем заставляют, видимо, заглянуть в себя еще глубже, поискать силы для нового взлета. И Брызгунов чувствует в себе такие силы.

1979

ПАНИ АННА-СИБИРЯЧКА

С утра, как это нередко случается в горной местности, запершил дождь: белесая морось поползла в раскинувшиеся вдоль ущелья улицы с горы Дианы. Толпа людей у колоннады с источниками минеральной воды поредела. Дождь прогнал с широкого мостика через реку Теплу последних зевак, собирающихся сюда покормить юрких пятнистых рыбок. По мокрому асфальту сбочь мостика прошлепали торопливые шаги девочки.

В узком проезде между зданием Народного выбора и отелем «Атлас», приспособленным под общежитие несемейных сотрудников курорта, девочка остановилась. Она запрокинула голову и искала глазами знакомый балкон отеля.

— Пани Ано-о! — выкрикнула она.

Получилось так звонко, что от каменной стены, отгораживающей здание от среза горы, вспорхнуло эхо. Девочка испугалась своего голоса и оглянулась на стоянку легковых машин, где размещали свои «фольксвагены» и «кадиллаки» богатые гости с Запада. Потом несколько тише повторила зов. Шустрая Зденка могла бы одним духом взбежать на третий этаж к выкрашенной в желтую краску двери, но вход в пансионат всегда закрыт. Нужно звонить привратнику. Этот «домаци», конечно, отопрет, однако смеряет таким осудительным взглядом, словно ему помешали умереть.

Девочке повезло. На балконе показалась седовласая женщина в байковом халате, который никак не хотел застегиваться. Женщина посмотрела вниз, узнала дочку гардеробищи из поликлиники.

— Пани Ано, там приехали пациенты. Пан лекарь просил прийти. Возможно, потребуется ваша процедура.

Седая женщина больше ни о чем не спрашивала. Вернувшись в комнату, она сгребла со стола разбросанные мотки шерсти, сунула их с недовязанной кофточкой в сумку. Потом отыскала на гвоздике ключ, чтобы не беспокоить лишний раз «домаци».

Но привратник, услышавший крик с улицы, сам спустился вниз.

— Доброго пути вам! — пробормотал он привычное, щелкнув замком.

— До свидания!

Сверху сонно спросили:

— Кто там?

— Пани Драбкова... Да эта... сибирячка!

Пани Анна!..

А давно ли она, розовощекая, статная, перекинув русую косу через плечо, мчалась по глинистому откосу к Ангаре! Подружки-хохотушки, сбросив на бегу легкие ситцевые платья, кидались разгоряченными телами в холодную волну. Только от Анны им не уплыть! Сильными саженками, по-мужски выныривая до пояса, она

вела всю озорную стайку к песчаной отмели, где можно отжать волосы, раскидаться на солнце, поделиться девичьими секретами вдали от посторонних. Родной Иркутск, широкая бурливая река, а за поемной далью лесное раздолье. Синева, синева... «Нет, девоньки, я отсюда никуда, ни шагу!» — клялась Аня, слушая заманчивые планы подружек.

Да, это было давно, очень давно...

Родители Ани Орловой переселились в Сибирь из Тверской губернии. В Иркутске купили небольшой дом на Оглобинской, 9. Чудом сохранился он доныне... Отец, Иван Семенович, паровозный механик, человек набожный, нрава крутого, но отходчивый. Вставал рано, до завтрака, по привычке что-нибудь делал во дворе, приучал к тому детей. Затем, надев форменку с высоким картузом, уходил, покачивая кованым сундуком, в депо. Водил он составы с лесом и зерном на Усолье, а иной раз добирался со своей резвой кукушкой аж до Улан-Удэ. В последние годы чаще перевозил людей. Вагоны были одни и те же — теплушки, а люди разные: то красные, то белые... Шла гражданская война. Нередко в дом их врывались военные, грубо расталкивали прикорнувшего после длительного рейса механика, гнали к локомотиву. Аня с меньшим братишкой, Николаем, и матерью, Ксенией Яковлевной, ждали его ночами, прислушивались к отдаленным гудкам.

Голос «своего» локомотива они умели отличить от десятка других деповских машин. Отец так умел сигналить, что домашние знали о его возвращении еще до приближения поезда к станции. Иногда из отдаленных лесов звучали прерывистые гудки тревоги: один длинный, два коротких...

Отец нередко говорил: мое дело — честно работать, а какая власть... Впрочем, охотно рассказывал своим людям, с чем ходил сегодня на восток или на запад, на каком перегоне эшелон был обстрелян из тайги. Кажется, он первый принес весть о том, что через город пошли чеки. Пленные на западном фронте еще в первые годы войны, они теперь пробивались к Владивостоку кружным, долгим путем. Разное тогда токовали об иноземцах. Одни прямо называли их белыми, потому что голодные и злые чеки с поездов стапали по селам, расположенным вдоль полотна железной дороги, разгоняли поселковые Советы, стреляли в активистов. Другие действовали совсем наоборот: помогали партизанам, вступали в интернациональные отряды. Немало таких «интернационалов» после гражданской войны остались в России, приняли советское гражданство.

Все это как-то проходило мимо внимания Ани Орловой. Она нашла себе занятие в помощь главному кормильцу семьи — дежурила сиделкой в красноармейском госпитале. Когда в Иркутске открылась фельдшерско-акушерская государственная школа, Аня одной из первых записалась в нее.

Однажды чернобровая товарка Ани, Маша Хайлович, кассирша из кооператива, заскочила на Оглобинскую поделиться новостью. К ним на квартире попросился молодой счетовод из приисковой транспортной конторы. Черненький, ладный из себя.

— Между прочим, он чех... Очень забавно говорит по-русски... Обходительный, вежливый, не то что наши парни... Симпатияга...— горячо шептала на ухо Ани подружка.

Дочь механика вечером пошла взглянуть «одним глазком» на постояльца Хайловичей. Потом они с Франтишеком ходили на танцы в народный дом, любили глядеть на речные закаты у Ангары.

Отец ушел из дому, услышав о решении дочери соединить свою судьбу с Франтишеком.

Франтишек понимал родителей Ани... Он и сам постоянно твердил, что рабочий класс Чехословакии долго не захочет гнуть спину на хозяев, установит и в своей стране народную власть. И его место как раз там, среди земляков, жаждущих свободы. Они в лад с будущим тестем толковали о всяких событиях, но когда дело коснулось сватовства, чех поглядывал на Аню — теперь все зависело от нее. Девушка верила в отходчивую натуру отца. Так оно вскоре и получилось. Появился внук, Коля, и механик вдруг подобрел к Франтишеку, то и дело предлагал свои услуги в больших заботах о крохотном существе. Зять оказался парнем покладистым, уважительным. О трудолюбии его и говорить не приходилось. Франтишека вскоре из конторы перевели в горные десятики в Нижне-Удинск. Молодая семья получила там жилье.

Пани Анна!.. Кажется, вчера еще она пеленала новорожденных в поселковом роддоме, вместе со счастливыми матерями придумывала им красивые имена. На склоне дня по местным обычаям носила к лодочной пристани полоскать белье, чтобы услышать от подруг что-нибудь новенькое...

Теперь в часы нелегких раздумий о прошлом она извлекает из комода пачку пожелтевших бумаг. Здесь чудом сохранившаяся с былых времен расчетная книжка № 374 на имя Франтишека Драбека с гербовой печатью Союза Советских Социалистических Республик, членский билет профсоюза горнорабочих Березинского прииска, удостоверение десятника... А рядом «Умртни лист» — посмертное свидетельство.

Здесь же документы о высших наградах Чехословацкой Социалистической Республики, которых удостоен руководитель подполья Ф. Драбек за героическую борьбу против фашистских оккупантов. Личное послание генерала Людвиг Свободы вдове героя, уважаемой пани Анне Драбковой... Все это венчает четкий снимок мраморной доски, что на здании почты в Градце-Кралове. Там был центр подпольщиков. Над именами смельчаков и патриотов выбиты слова с древних могил: «Падли, абысме жили»... Пали за нашу жизнь!

А было все так. Чуть наладились отношения между двумя странами после гражданской войны, отец Франтишека принялся осаждать сына письмами. Судьба сына, поселившегося в заруганной западной прессой Сибири, казалась старому чеху добровольным заточением среди льдов и снега. Отец не жалел красок, расписывая привольную жизнь в буржуазной республике, укорял сына в бессердечии, звал домой.

В ноябре 1930 года семья Драбека отправилась в Чехословакию. Молодую россиянку стали здесь называть непривычным словом «пани». Спать по приезде довелось на потрепанном скрипучем диване у порога: в маленькой квартире родителей мужа и без гостей было тесно. На другой день отец с горечью признался, что уже полгода скитается без работы. Франтишек, овладевший в Сибири несколькими гражданскими профессиями, первоклассный счетный работник, так и не нашел себе занятия по специальности. Пробивался случайной поденной работой. Фельдшерско-акушерский диплом Анны Ивановны в здешних канцеляриях воспринимали как диво, не верили, что в Сибири кого-то чему-то учат. А если кто и верил, все равно места приезжему человеку в поликлиниках не находилось. Опытной фельдшернице пришлось осваивать искусство вязания спицами, чтобы выполнять заказы модных бездельниц и хоть как-нибудь помогать мятущемуся в поисках трудовых занятий мужу. У них уже было двое детей.

Только спустя два года Франтишеку наконец повезло: освобождено место почтового курьера в поездах. Платили за эту кочевую жизнь семьсот крон в месяц. Двести из них пани Анна сразу же относила хозяину комнаты, которую они стали снимать.

Так продолжалось до самого прихода фашистов. Теперь чехов именовали гражданами протектората или просто славянами, относились, как к людям второго сорта.

Коммунисты в подпольных листовках звали к борьбе за спасение родины и человечества. Франтишек Драбек формально не был членом компартии. Однако всем сердцем тянулся к тем, кто не покорился. Упаковывая почтовые ящики, он вместе с верными друзьями по подполью переправлял оружие, снимал копии с наиболее важных нацистских документов, шел ночью на связь с товарищами по борьбе.

Подросли дети, Коля и Олег. Случалось, под утро отец осторожно будил кого-нибудь из них, вручал пакет:

— Снеси пану Милостному... Из рук в руки... Немцам на глаза не попадись.

Нередко выпадали поручения, которые в тех условиях могла выполнить лишь женщина. И тогда собиралась пани Анна. Мужчины шли где-то рядом, готовые броситься на выручку.

Группу Драбека выдал человек из Праги по кличке Инженер. Он не раз приезжал к Франтишеку, оставался ночевать.

Драбека арестовали в сорок первом, в незабываемый для всей семьи день 27 октября. Увели сразу, заломив руки назад. Потом начали рыться в ящиках стола, вспарывали матрацы. Моложавый, востроносый офицер, выпотрошив стол, склонился над добычей.

— На каком языке разговариваете? — бросил он Анне Ивановне, блеснув в ее сторону моноклем.

Женщина еле сдерживала рыдания.

— На чешском, немецком, английском...

Тот продолжал рыться в бумагах.

— О, да вы русская, мадам?! — удивился гестаповец, наткнувшись на диплом медицинского училища.

— Да, я сибирячка, — беря себя в руки, подтвердила женщина.

Офицер посвистел и принялся, округлив бесцветные глаза, с нескрываемым любопытством разглядывать жену арестованного, будто встретил живую кунницу. Затем вынес решение:

— Сибирь нам покамест не нужна... Не все сразу.

— Вам не видать ее как своих ушей! — вырвалось у Драбковой.

Гестаповец резко подхватился с места и заорал так, что агент из полиции протектората, торчавший у двери, вздрогнул всем телом:

— Мы вас, всех славян, — чехов, поляков вслед за русскими загоним в эту самую Сибирь! Будете спать в обнимку с медведями!

Больше он ничего не знал о Сибири, хотя слово это холодком входило в душу с недавних пор: из-под Москвы шли сообщения о непреодолимой стойкости подоспевших сибирских дивизий.

Знал бы зарвавшийся подонок, какой сладкой болью отдавалось в сердце Анны это сказочное, спасительное слово — Сибирь! Каким счастьем для себя всегда считала Анна Ивановна возвращение в родные края! Лишь много лет спустя ей станет известно, что среди воинов-сибиряков, гнавших фашистов от Москвы, был и ее брат, Николай...

Уходя, офицер сказал своему напарнику:

— Мы, кажется, не с того края начали, Курт... Эта пани далеко не безобидная штучка.

— Вы же сами, господин капитан, сказали, что не все сразу, — отозвался гестаповец.

Не все сочувствовали Драбковым. Из-за унижительных насмешек над ним со стороны буржуазных сынков и переживаний за свое будущее, за отца старший сын Коля поседел еще в школьные годы.

Казнили Франтишека в ночь на 8 сентября 1943 года в Берлинской тюрьме, одновременно с Юлиусом Фучиком.

Близился час расплаты за неисчислимые злодеяния. С лета 1944 года гитлеровцы все чаще проявляли нервозность в связи с приближением Красной Армии.

В дело, завещанное отцом, посильный вклад вносил каждый. Коля и Олег с товарищами по подполью защищали мост через Эльбу, пока по нему не прошли советские войска. Связным на этот раз был Олег.

Появлялся в полночь, чтобы сказать матери несколько ласковых слов, успокоить. Он всегда заставлял ее одетой, готовой в путь.

— Мамочка, мы здесь... Совсем недалеко.

— Сколько вас? — спрашивала Анна Ивановна и, не дождавшись ответа, извлекала из шкафа пакеты с едой, бинты.

— Мама!.. Какая ты славная, ты все знаешь!

— Знаю!.. Мне хотелось бы сейчас быть с вами, сыны!

О, эта женщина хорошо знает звук удаляющихся шагов по лестнице, окрики в ночи, знает цену ожидания той минуты, когда желанный голос родного сына назовет ее с порога.

В первый месяц после освобождения сибирячка вступила в Коммунистическую партию Чехословакии и стала одним из активнейших ее работников в своем округе. Она пользовалась исключительным доверием: ходила по квартирам рабочих и служащих, разъясняла современную обстановку, принимала заявления от наиболее достойных о вступлении в партию. Много помогала в налаживании работы Союза чехословацко-советской дружбы, Союза борцов-антифашистов. Получила она наконец и работу по специальности. Тогда на территории Чехословакии было размещено несколько госпиталей для раненых советских воинов, и Анна Ивановна вспомнила о своем приобщении к медицинской профессии в красноармейских лазаретах.

Ее всегда влекло к русским, к своим. Она стыдилась, если в разговоре с земляками произнесет какое-нибудь слово с акцентом. Долгие годы на чужбине, в обстановке, когда русская речь могла принести ей дополнительные огорчения, она разговаривала только на иностранных языках. После эвакуации госпиталей, к ее огорчению, встречи с соотечественниками в маленьком Градце-Кралове были редки и случайны. Дети выучились, обзавелись семьями. Оставшись на какое-то время не у дел, Анна Ивановна приняла решение переселиться в Карловы Вары, куда приезжали на лечение и советские люди. Пятнадцать лет она была медсестрой в санатории «Империял». То были годы искусного врачевания, поощрений за безупречную службу. Годы сердечной признательности со стороны тех, кто испытал на себе ее заботу.

...Я видел Анну Ивановну недавно. Мы посидели за чашкой кофе на куце диванчике в небольшой комнатке пансионата, разделенной ситцевой занавеской. Пани Драбкова не депутат Национального собрания и не кинозвезда. Она скромный пенсионер, проживший тяжелую, но честную трудовую жизнь. Однако почта этой удивительной женщины сравнима с корреспонденцией многих театральных сценических звезд. Гостей в ее уютном жилище не убавляется. Пишут благодарные пациенты из разных стран, шлют теплые строки сыновья, нежными словами заполняют страницы внуки, внучки. Николай — крупный специалист в области индустриального строительства. За успехи в создании промышленных комплексов в Остраве и Кладно он

получил очередную правительственную награду. Олег — видный энергетик. Он тоже радуется маму достижениями изобретательской профессии. Любознательные, счастливые внуки растут у пани Анны. Сколько им лет? Это уж как-нибудь известно бабушке! Может по секрету сказать, кто в чем любит покрасоваться, какие свитеры надевают, собираясь на прогулку в горы... Все премудрости моды прошли через ее руки, она главный исполнитель их доверительных заказов. У Николая двое: Борис и Петр. У Олега: Зоя, Олег, Яржила.

Удивительный человек этот, несмотря на суровую, переполненную тревогами и лишениями жизнь, не сдается старости. Простая русская женщина из Сибири, Анна Орлова-Драбкова с достоинством пронесла через десятилетия разлуки с родной землей гордое звание русского, советского человека, возвысив это звание еще больше в глазах дружественного народа. Вот она, отложив вязание, подходит к окну балкона. Кто-то зовет ее. Может, кто-нибудь из нас?

1969—1983.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Не зря называют учителем	3
Городищенский парень	14
...Проявил себя бойцом	26
Кузнецово поле	32
Пани Анна-сибирячка	42

Николай Иванович Родичев

ГОРОДИЩЕНСКИЙ ПАРЕНЬ

Редактор Л. М. Наточанная

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 19.03.84. Подписано к печати 16.05.84. А 00371.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,24.
Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 94 000. Изд. № 1378. Зак. 2428.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва. А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Книжные магазины РСФСР предоставляют Вам возможность не только купить книги, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета 25 копеек, сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной Вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

90% стоимости билетов направляется на выигрыши.

Прочитанные книги Вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим Вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи**